

СПАЛИ ОКОВЫ, КОТОРЫЕ СДЕРЖИВАЛИ МЕНЯ.

18+

ИСКРА

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

Freedom. Золотая пленница

Рейвен Кеннеди

Искра

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кеннеди Р.

Искра / Р. Кеннеди — «Эксмо», 2021 — (Freedom. Золотая пленница)

ISBN 978-5-04-177240-6

Царь Мидас сделал меня той, кем я стала. Известная. Недостигаемая. И полностью его. Когда тебя пытаются от всего оградить, ты веришь, что это для защиты... пока не начинаешь понимать, что на самом деле – с целью удержать. Сейчас я в чужом королевстве среди врагов. Без друзей и союзников. Но я не собираюсь сидеть сложа руки и сдаваться. Потому что сила моего гнева обрушится на него. Король Ревингер. Он ужасающий, могущественный и слишком соблазнительный. Я усвоила урок, как противостоять манипуляциям королей. Но почему внутри меня все сжимается каждый раз, когда Ревингер рядом? Мне нужно действовать осторожно, иначе я рискую потерять гораздо больше, чем просто свободу. В этот раз я не дам снова заточить себя в клетку. И в ловушке окажутся они. Надеюсь, мое сердце останется целым.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177240-6

© Кеннеди Р., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	70
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рейвен Кеннеди

Искра

Raven Kennedy
GLEAM

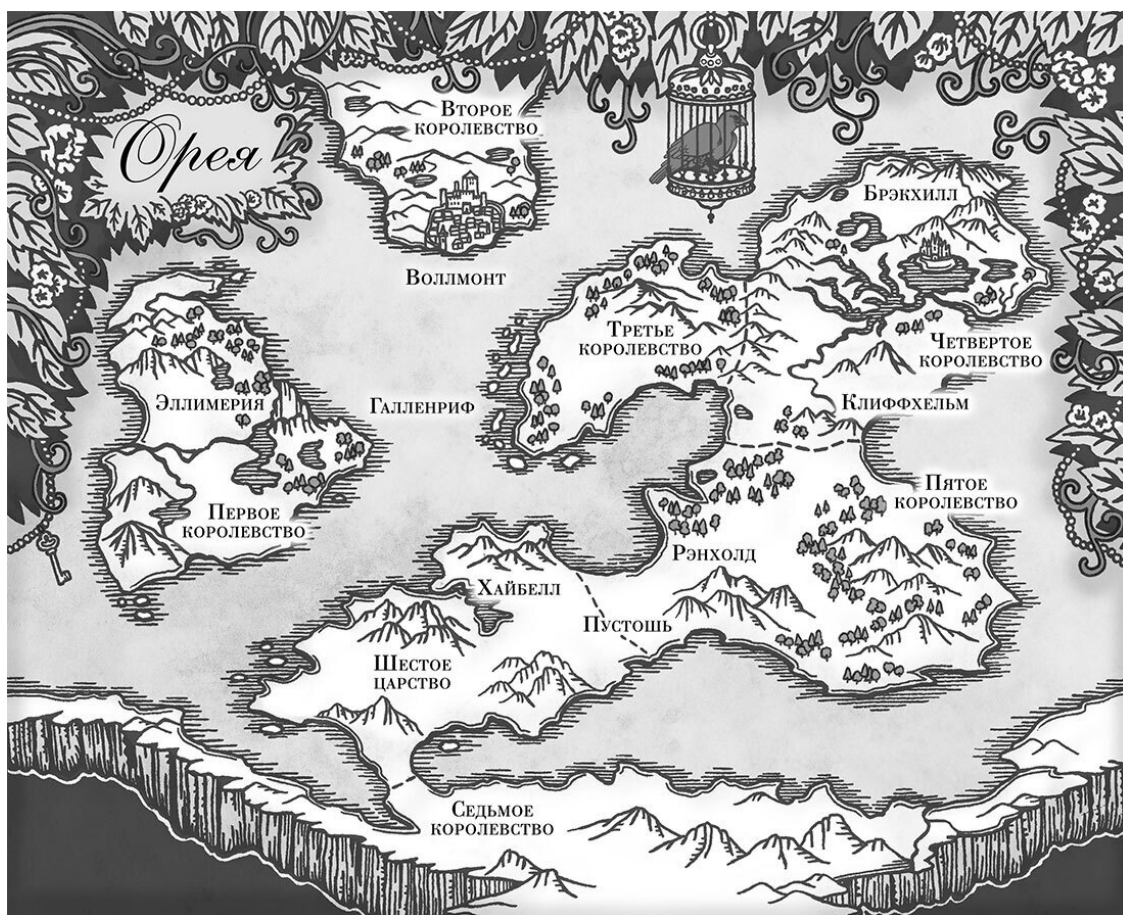
Copyright © 2021 by Raven Kennedy

© Конова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается тем, кого держали в темноте.
Улыбнитесь солнцу.*

Пролог

Аурен

Десять лет назад

Здесь небо не поет.

Оно не кружит, не звучит и не оседает на моей коже сладкими благовониями, не овеивает мои волосы прохладным поцелуем.

Небо здесь не такое, как в Эннвине.

Дождь льет слезы с утра до ночи, и вода на земле растекается лужами, но и она не смоет здешний смрад. Солнце садится, и в небе восходит луна, однако эта картина не гармонирует с богинями, дремлющими в бледно-желтых звездах. Небосвод тусклый и жалкий.

Все здесь не такое живое, как дома. Но, с другой стороны, возможно, это всего лишь фантазии маленькой девочки. Возможно, Эннвин был совсем не таким, а я забыла.

Если так, то предпочту притворяться. Мне нравится, каким был Эннвин в моих воспоминаниях – изобилующий весельем, которое наполняло и меня.

Здесь, в Дерфорте, меня тоже переполняют чувства, но не самые приятные.

После утреннего ливня гавань Дерфорт наполнена водой. Хотя она всегда затоплена и причиной тому обычно или море, или небо. Иногда и то и другое. Здесь нет ни одной деревянной крыши, которая бы не пропиталась влагой, или побитой двери, которая бы не облупилась из-за душливой сырости.

С океана сюда часто стягиваются тучи и свирепствуют бури. Впрочем, в дожде нет ничего освежающего. Он просто изливается обратно в море, которое его вскормило, и, воняющий рыбой, затапливает грязные улицы.

Воздух сегодня липкий и сырой, он давит мне на грудь и напитывает платье влагой. Мне повезет, если одежда высохнет, когда вечером я ее развешу. Повезет, если волосы перестанут быть влажными и завиваться мелкими кудряшками.

Но на мои прическу и одежду все равно никто не обращает внимания. Хищные взгляды всегда подмечают мои тронутые золотом щеки, рыскают по коже, что блестит сильнее, чем обычная. Вот потому-то меня и называют разрисованной девушкой. Золотой сироткой из гавани Дерфорт. В каких бы я ни была лохмотьях, под промокшей одеждой скрывается богатство, противоречащее всякому здравому смыслу. Никчемное сокровище моей кожи, которое ни к чему не приводит, но вместе с тем влияет на все.

Торговые палатки, разбросанные по всему уличному рынку, еще темные. Мешки из грубой льняной ткани насквозь промокли, телеги накрыты брезентом и с него капает вода. Я закрываю глаза и дышу, пытаюсь делать вид, будто не чувствую исходящего от кузницы резкого запаха железа. Не чувствую запаха промокших деревянных досок пришвартованных судов. Не чувствую вони от ящиков с бьющей хвостом рыбой и соленого песка с берега.

Воображение у меня не настолько богато, чтобы подавить этот смрад.

Безусловно, не сиди я на мусорном баке возле кабака, то пахло бы чуточку приятнее. Запах старого эля ужасен, но здесь суше, да и место более уединенное, благодаря чему оно кажется еще более ценным.

Поерзав на металлической крышке, я прислоняюсь спиной к стене и обвожу взглядом уличный рынок. Нельзя мне тут находиться. Надо уходить, но даже так риск велик. У Закира в городе слишком много шпионов. Это лишь вопрос времени, когда меня поймают, и не важно, останусь ли я на месте или где-нибудь укроюсь. Я прячусь от него, от обязанностей, которые

он на меня возложил. Прячусь от громил, шатающихся по улицам и сторожащих детей-попрошайек – не ради их безопасности, а чтобы убедиться, что чужой не посягнет на территорию Закира и не станет красть у его воров.

Я скрываюсь там, где нет никакой надежды остаться незамеченной.

Словно повинуюсь какой-то силе, я поднимаю взгляд и смотрю на океан, виднеющийся между двумя торговыми палатками. Смотрю на паруса причаленных кораблей, их очертания напоминают привязанные облака, которые пытаются вернуться к небу. При виде этой дерзкой попытки побега внутри что-то сжимается. Как же искушает свобода, которая раскачивается вот здесь, на горизонте.

Это обман.

В Дерфорте жестоко наказывали тайком пробравшихся на корабли, и я сглуплю, если пойду на это. Немало детей Закира предпринимали подобные попытки, но не дожили до возможности об этом рассказать. Вряд ли я когда-нибудь забуду, как чайки клевали их плоть с ободранной кожей, как висели их тела, раскачиваясь на приливном ветру, и сморщивались под соленым дождем.

Хуже этого запаха нет ничего на свете.

– Какого черта ты тут делаешь?

Когда в моем уединенном уголке появляется Закир, нависая угрожающей тенью, я вздрагиваю так сильно, что царапаю руку о грубый известковый кирпич.

На красном лице сверкают карие глаза. Его подбородок покрыт щетиной недельной давности, схожей с иголками кактуса. Я чувствую от Закира такой сильный запах алкоголя, что он перебивает вонь мусора, на котором я сижу. Наверное, он на протяжении нескольких часов заливал в себя спиртное.

– Закир. – Спрыгиваю с бака и встаю перед ним. Я не могу говорить без чувства вины и даже не осмеливаюсь заглянуть Закиру в глаза.

Он кладет руки на бедра, и жилет серо-зеленого цвета распахивается на его волосатой груди.

– Тебе уши воском набили? Я спросил: какого черта ты тут делаешь?

Прячусь. Мечтаю. Притворяюсь. Скрываюсь.

Словно услышав мои мысли, Закир презрительно ухмыляется, демонстрируя зубы, покрытые пятнами от курения трубки и распития генада. Губы его потрескались от переизбытка проклятий, словесных ударов и жестоких сделок.

Когда наступление нового года ознаменовалось долгой луной, Закир изменил мои повинности. По его подсчетам, мне пятнадцать лет. В Орее это уже взрослый человек.

– Я только... – Быстро придумать оправдание не выходит.

Закир дает мне затрещину, и моя голова резко наклоняется вперед. Теперь он бьет меня только по затылку. На моей золотой коже быстро появляются синяки темного блестящего цвета, но под волосами их никто не увидит.

– Ты еще с час назад должна быть в «Уединении»! – рявкает он и наклоняется к моему лицу. – Ублюдок появился и наорал на меня за то, что ты так и не пришла, а парень, которого я приставил за тобой следить, сказал, что ты слиняла через черный ход!

Неправда. Я вылезла через разбитое окно погреба. Сбежать по глухой улице за трактиром было проще. Еще одним вариантом был боковой переулок, но в нем обитало много бродячих собак, дерущихся за объедки из мусорных ящиков.

– Чтоб тебя, ты меня слышала?

Я хватаюсь за грязные юбки и сжимаю их пальцами, словно пытаюсь выдавить из себя ответ.

– Я больше не хочу возвращаться в «Уединение».

Мой голос хриплый, напоминает звук, при котором неумелый мастер обрабатывает мрамор. Мне даже думать не хочется о трактире, и уж тем более – говорить о нем. Несмотря на название, уединение – это последнее, что я могу там найти. Там, где мою невинность украли, как жадные карманники обворовывают своих жертв. В «Уединении» меня ждут только угнетающие неприятные взгляды и омерзительные прикосновения.

Лицо Закира становится еще более суровым, и кажется, будто он вот-вот снова стукнет меня по голове своими толстыми пальцами с кольцами, но хозяин этого не делает. Интересно, сколько монет, заработанных моим непосильным трудом, уходит на эти заржавевшие золотые украшения.

– У меня есть дела поважнее, чтобы волноваться о том, чего ты хочешь. Ты работаешь на меня, Аурен.

От отчаяния у меня сдавливает горло, перекрывая доступ к воздуху.

– Тогда отправь меня обратно на улицы просить милостыню или воровать у покупателей на рынке, – молю я. – Только не отправляй в трактир. Я больше не могу этим заниматься. – Глаза невольно наполняются слезами. Вот что еще проливается в Дерфорте.

Закир вздыхает, но с его лица не сходит гнусная ухмылка.

– Эй, не хныкай мне тут. Я и без того долго тебя не трогал, а такой милости от большинства торговцев плотью ты бы не получила. Если не будешь приносить мне прибыль, то нет нужды тебя держать, – предупреждает он. – Ты пользуешься моей добротой. Помни об этом, девчонка.

Доброта.

Это слово крутится в голове, пока я вспоминаю свою жизнь за последние десять лет. Большинство других детей появляются и исчезают, тогда как я задержалась дольше остальных из-за своей необычной золотой кожи, которая приносит Закиру нужное количество прибыли. Но ни разу за все это время я бы не назвала свою жизнь *полной доброты*.

Мне, вынужденной целыми днями попрошайничать на улицах и совершать карманные кражи по ночам, пришлось научиться пользоваться своей странной внешностью, пока я шныряла по портовому городу. Либо так, либо приходилось драить дом Закира, скрести щеткой до тех пор, пока у меня не трескалась кожа на пальцах и не начинали ныть колени. И все же очистить погреб до конца ни разу не вышло. От него всегда разило холодом, плесенью и одиночеством.

Там, внизу, нас было обычно от десяти до тридцати человек. Мы ютились в тесноте под гнилыми одеялами и старыми мешками. Детей продавали, покупали и заставляли работать. Детей, которые ни разу не играли, не учились и не смеялись. Мы спали и зарабатывали монеты, и этого было достаточно. Дружбу между нами пресекали, ее не существовало, а под бдительным оком Закира неизменно взращивались подлость и соперничество. Мы были точно собаки, с пеной у пасти дерущиеся за косточку.

Но я должна смотреть на это со светлой стороны. Потому что даже если жизнь не была полной доброты... она могла стать намного хуже.

– И на что ты, интересно, рассчитывала? – фыркает Закир так, словно я наивная дурочка. – Ты знала, что тебя ждет, поскольку видела остальных девушек. Тебе известно правило, Аурен.

Я пристально смотрю ему в глаза.

– Отрабатывай свое содержание.

– Именно. Ты отрабатываешь свое содержание. – Закир оглядывает меня, остановив взгляд на обрызганном грязью подоле, и из его обожженного дымом горла вырывается раздраженный кашель. – Ну какая же ты грязнуля, девчонка.

Обычно грязь помогала играть роль нищей сиротки, но я из нее уже выросла. В день, когда мне исполнилось пятнадцать, Закир сменил мои заплатанные лохмотья на дамские платья.

Когда он принес первый наряд, я подумала, что выгляжу мило. Но была конченной дурочкой, раз решила, что Закир подарил мне платье на день рождения. Спереди были настоящие розовые кружева, а сзади – бант, и прекраснее вещицы с тех пор, как стала тут жить, я не видывала.

Но то было до того, как я осознала, что это красивое платье таит омерзительный умысел.

– Отправляйся в «Уединение», – велит мне Закир, и тон его голоса не допускает возражений.

Когда он ведет взглядом вверх по моему телу, живот сводит от ужаса.

– Но...

Мне в лицо тычут пальцем с желтым ногтем.

– Завсегдатай уже за тебя заплатил, и он свое получит. Местные годами ждали, когда вырастет разукрашенная золотая девчонка. Ты пользуешься большим спросом, Аурен. Спросом, который я же и увеличил, заставив их ждать, – и за это ты тоже должна быть мне благодарна.

Добро. Благодарность. Закир употребляет эти слова, но сомневаюсь, что ему известно их истинное значение.

– Я сделал тебя самой дорогой шлюхой в Дерфорт, а ведь ты даже не работаешь в борделе. Наложницы негодуют от зависти. – Закир говорит так, словно этим стоит гордиться, словно он окрылен тем, что я не нравлюсь даже остальным потаскухам.

Он чешет щеку, а в его глазах появляется алчный блеск.

– Разукрашенная золотом нищенка из гавани Дерфорт наконец-то повзрослела, и теперь ее можно купить на ночь. Ты не помешаешь мне заработать эти монеты и не уничтожишь мою репутацию на улицах, – говорит он голосом грубым, словно бушующие воды.

Я сжимаю руки в кулаки, впиваясь в ладони ногтями, а между лопатками покалывает, зудит. Если бы в том был толк, я бы содрала с себя кожу и вырвала волосы. Я пошла бы на все, чтобы избавиться от блеска своего тела.

Бывали ночи, когда именно этим я и пыталась заниматься, пока другие дети спали. Но вопреки кружащим в Дерфорт сплетням, я не раскрашена краской. Это золото никогда не сойдет, сколько бы раз я ни смывала и ни сдирала его. Обновленная кожа и волосы блестят точно так же, как раньше.

Родители называли меня маленьким солнышком, и раньше я гордилась своим сиянием. А в мире, полном глазающих ореанцев и горящего неба, хочу лишь, чтобы этот блеск потускнел. Хочу наконец найти тайное место, где никто не сможет меня отыскать.

Закир, глаза которого налились кровью от ночных игр в карты, с негодованием качает головой. Над ним, как обычно, нависает облако дыма. С мгновение он как будто сомневается, а потом отклоняется назад и, скрестив руки, произносит:

– На твой след вышли шпионы Бардена Иста.

У меня округляются глаза.

– Ч-что? – шепотом испуганно переспрашиваю я.

Здесь, в порту, Барден – это еще один торговец плотью. Он заправляет Истсайдом – потому и взял себе такое имя. Однако в отличие от Закира, который еще более-менее терпелив, я слышала, что Барден... отнюдь не такой.

Закир проявил порядочность и дождался, когда я стану считаться взрослой, и только после этого сделал меня наложницей для проезжих моряков и горожан. Но в Дерфорт поговаривали, что нет торговца плотью ужаснее, чем Барден, который такой порядочностью не обладал. Он не связывался с детьми-попрошайками и карманниками. Барден нажил богатство при

помощи головорезов и пиратов, торговли людьми и проституции. Я никогда не бывала в Истсайте, но ходили слухи, будто Барден заправляет делами так, что Закир в сравнении с ним кажется святым.

– Почему? – спрашиваю я, но слово звучит невнятно, поскольку горло сжимает невидимая петля, обернутая вокруг моей шеи.

Закир смотрит на меня жестким взглядом.

– Ты знаешь почему. По той же причине, по которой наложницы в борделе начали разрисовывать себе кожу разными цветами. У тебя особенная... внешность, а теперь, когда ты стала женщиной...

По горлу поднимается желчь. Забавно, что по вкусу она напоминает морскую воду.

– Пожалуйста, не продавай меня ему.

Закир делает шаг вперед и теснит меня к боковой части здания. Шею покалывает от его близости, кожу на спине щиплет, словно страх хочет пустить ростки.

– Я был весьма снисходителен, поскольку на улицах ты всегда зарабатывала больше остальных, – говорит он. – Людям нравилось давать монеты разукрашенной девчонке. А если и нет, то тебе удавалось отвлечь их, чтобы после выудить у них из карманов деньги.

Чувствую, как от стыда сжимается горло. Что бы подумали родители, если бы увидели меня сейчас? Что бы подумали, увидев, как я прошу милостыню, ворую, дерусь с другими детьми?

– Но отныне ты не ребенок. – Закир проводит языком по зубам, а потом сплевывает на землю грязный комок. – Если ты снова ослушаешься, я умою руки и продам тебя Бардену Исту. И обещаю: если это случится, ты пожалеешь о своем поведении и о том, что не осталась у меня.

На глаза наворачиваются слезы. Мускулы на спине дрожат так сильно, что спина становится напряженной.

Закир лезет в карман жилета и вытаскивает деревянную трубку. Засунув ее в рот, поджигает и смеряет меня суровым взглядом.

– Итак? Твое решение, Аурен?

На долю секунды я перевожу взгляд за его плечо на корабли, которые снова стоят в гавани. На эти клубящиеся облака, напоминающие привязанные к морю паруса.

Для своих родителей я была маленьким солнышком.

Танцевала под небом, которое пело.

А теперь я разрисованная шлюха в трущобах мокрой гавани, где воздух провонял грязью, а в горле у меня застрял безмолвный крик, и ни один дождь не смоет мое золотое проклятие.

Закир затягивается трубкой и с кряхтением выдувает сквозь зубы голубой дым. Он начинает терять терпение.

– Черт побери, да тебе же нужно просто лежать!

Тело пробирает дрожь, в глазах стоят слезы. Так мне и сказал первый мужчина: *«Просто ложись на паллет, девчонка. Это будет быстро»*. Закончив со мной, он бросил на матрац монету. Там я ее и оставила – потертый и испачканный металл, который прошел через множество рук, но монета и близко не была такой попорченной, какой была я.

Просто лежи. Лежи и понемногу надламывайся. Просто лежи и чувствуй, как умирает твоя душа.

– Закир, пожалуйста.

От моей мольбы он лишь стискивает зубами кончик трубки.

– Значит, тогда к Бардену? Предпочтешь жить в Истсайте?

Я категорично качаю головой.

– Нет.

Даже жители Истсайда не хотят там жить, вот только у большинства из них нет возможности уехать. Мне, с мусором за спиной, лужами под ногами и хозяином, загораживающим дорогу, знакомо это чувство. Некуда пойти, негде спрятаться.

Закир дергает подбородком.

– Тогда за работу. Сейчас же.

Понуро опустив голову, я протискиваюсь мимо него и начинаю брести по улице. Чувствую, как сердце подскакивает к горлу, и чувствую, как оно отбивает ритм по спине. Передо мной идут двое подельников Закира, показывая дорогу, а он сам нависает сзади зловещей тенью, подталкивает к моей незавидной участи.

Башмаки прилипают к размытому галечнику, но я едва обращаю внимание на камешки, впивающиеся в подошвы. Как и почти не обращаю внимания на людный рынок, полнящийся криков, торгов и споров. Я больше не смотрю на корабли, потому что такое глумление над свободой нестерпимо. Потому ищу в себе заурядное оцепенение и пытаюсь притвориться, что нахожусь где угодно – только не здесь.

Еле волочу ноги, но не имеет значения, насколько медленно я бреду к «Уединению». Я все равно оказываюсь перед выбеленной дверью, все равно вижу свое искаженное отражение в бутылках с вырезанным дном. Это витражное стекло бедняков.

Сердце стучит так сильно, что ноги подкашиваются, словно я стою на одном из тех кораблей, а не на твердой земле.

Закир встает рядом, и я чувствую, как ухо мне овеивает голубой дым от его трубки. Он такого же цвета, что и эти бутылки.

– Помни мои слова. Отрабатывай свое содержание, иначе отправлю тебя к Бардену Исту.

Он сурово глядит на меня и уходит, засунув руку в карман и позвякивая монетами, которые я для него заработала. Вдруг появляются еще двое мужчин и идут за ним, как сторожевые псы. Другие остаются со мной и встают возле двери, пасут овец Закира. Я и без того знаю, что сзади будет стоять еще один.

Тщедушный мужчина слева оглядывает меня с головы до пят. Серая бледность его лица не гармонирует с желтоватыми глазами.

– Слышал, Барден Ист любит первым опробовать своих шлюх. Испытывает их на прочность, а потом пускает в ход, – говорит он, и второй мужчина громко фыркает.

Я смотрю на дверь, смотрю на дно бутылок из голубого стекла, которые напоминают круглые паучьи глаза, и знаю, что попаду прямо в его пасть, что я уже попала в сети, которые мне расставил Закир.

Я силюсь вспомнить.

Силюсь вспомнить лиричный звук голоса матери. Ветер, касающийся музыкальной подвески, что висела за моим окном. Силюсь вспомнить смех отца. Ржание лошадей в стойлах.

Но проходит миг – и все заглушают крики подначивающих меня мужчин. Голова гудит от рыночного шума, сопровождаемого криками и стуком, а потом небеса разверзаются и снова начинает лить дождь, пропитывая нас зловонной влагой.

Нет, небо здесь не поет.

И с каждым годом песня родины понемногу тонет в моих воспоминаниях, смытая на грязный морской берег, кишасий жестокими скалами.

Просто ложись на паллет, девочка.

Я отказываюсь от уплывающих за спиной кораблей, отказываюсь от выбора, который таковым на самом деле не является. Выбор между востоком и западом, между Барденом и Закиром. Между жизнью и смертью. А потом, почувствовав на щеке дождевую каплю, которая могла быть моей слезой, я открываю дверь и вхожу в трактир.

И снова еще немного умираю.

Глава 1

Аурен

Правда похожа на специи.

Если добавить немного, то можно ощутить вкус более полноценно. Распробовать то, что прежде не замечали. Но если присыпать больше, то жизнь может стать противной на вкус.

Однако, когда эта правда слишком долго сдерживается, когда понимаешь, что привык к пресной лжи, то нет никакой надежды устранить с языка этот непреодолимый вкус.

И в эту минуту рот у меня горит от прозрения, которое каким-то образом придется проглотить.

«Ты – король Ревингер».

«Да, Золотая птишка. Но ты можешь называть меня Слейдом».

Рип, Ревингер – да кем бы он ни был – смотрит, как я задыхаюсь от его правды.

Как вы поступите, узнав, что кто-то оказался совсем не тем, кем вы его считали? По моему разумению, Рип и король были двумя совершенно разными мужчинами. Король Ревингер – зло, перед которым я не хотела оказаться. Человек с гнусной силой, от которой хотела держаться подальше.

А Рип... ну, это Рип. Хитрый и опасный, но я считала его своего рода союзником, многому научившим меня за непродолжительно проведенное вместе время. Мужчина, который и пугал, и раздражал, но тот, к кому я прикипела душой.

А теперь я должна совместить их в одно целое. Потому что человек, который меня провоцировал и вынудил признать свою сущность, мужчина, поцеловавший меня в своей палатке и стоявший на заснеженном берегу арктического моря, смотря на скорбящую луну... оказался другим.

Он – король, которого все страшатся. Правитель, отправляющий гнилые трупы как букет маргариток. Пожалуй, Рип – самый могущественный монарх, которого видывала Орея, потому что он фейри. А еще прятался у всех на виду.

Каждую ночь я спала в его чертовой палатке, лежала в метре от него и даже не подозревала, кто он такой на самом деле.

Я не в силах подавить вкус, который несет с собой эта правда. Не уверена, то ли у меня состояние духа, чтобы в достаточной мере отделить эти открывшиеся истины и усвоить их, и даже не знаю, хочу ли.

Нет, в этот миг я слишком зла.

Я с ненавистью смотрю на него.

– Ты... ты чертов лжец. – Слышу раскаленную ярость, пылающую в моих словах, как и знаю, что в глазах у меня пляшут языки ее пламени. Оно охватывает меня в мгновение.

Рип, Ревингер – да кем бы он, проклятый богами, ни был, – запрокидывает голову, словно мой гнев стал для него неприятным ударом. Он напрягается всем телом, и от наводящих ужас шипов на руках отражается горящий в комнате тусклый свет. В комнате, которая вдруг кажется слишком маленькой.

– Что ты сказала?

Я стою в дверях и сжимаю руки по бокам в кулаки, словно мне по силам взять за узды свой гнев и направить его галопом вперед. Я вхожу в клетку, и мои уставшие ленты волочатся за спиной как хворые черви, извивающиеся на полу.

– Ты король, – говорю я и качаю головой, словно могу уничтожить эту истину. Я знала, что у него причудливая аура. Знала, что могу почувствовать таящуюся в ней силу, но даже предположить не смела о величине его коварства. – Ты меня обманул.

Рип смеряет меня взглядом. Черные как угли глаза выглядят так, словно хотят перехватить мое пламя. Он смотрит так, словно готов сгореть от моего гнева.

И поделом ему.

– Могу сказать то же самое, – парирует он.

Я закипаю от злости.

– Не смей спихивать все на меня. Ты соврал...

– Как и ты. – В выражении его лица появляется ярость, отчего серая чешуя на щеках блестит в темноте, напоминая лицо надвигающегося на меня хищника с заостренными чертами.

– Я скрывала свою силу. Есть разница.

– Ты скрывала свою силу, свои ленты, свое происхождение, – хмыкает он.

– Мое фейское происхождение не имеет к этому никакого отношения, – гаркаю я.

Тремя размашистыми шагами он сокращает оставшееся между нами расстояние.

– Да оно имеет к этому самое непосредственное отношение! – охваченный гневом, восклицает Рип, который словно хочет протянуть руки и хорошенько меня встряхнуть.

Не собираясь сжиматься от страха, я задираю голову и представляю, как ленты поднимаются, чтобы ударить его в живот. Как жаль, что они так устали и поникли.

– Ты прав, – с наигранным спокойствием отвечаю я. – До знакомства с тобой мне на протяжении двадцати лет приходилось прятаться в чужом мире, где я не встречала ни одного фейри.

На долю секунды его лицо становится не таким жестким, но я не закончила. Отнюдь.

– Ты беспрестанно принуждал меня признать, кто я такая.

На его лице мелькает гнев, как молния, ударившая в полую землю.

– Да, чтобы помочь тебе...

Я прищуриваюсь.

– Ты выуживал из меня правду, а сам скрывал свою. По-твоему, это не лицемерие?

Рип с такой силой скрежешет зубами, что я задаюсь вопросом, а не сломает ли он себе зуб. Надеюсь, сломает. Лживый ублюдок.

– Я не мог тебе доверять, – невозмутимо отвечает он.

У меня вырывается громкий смешок, уничижительный и бесчувственный.

– Самолюбивый ты осел. Стоишь напротив и говоришь, что это ты не можешь доверять мне?

– Осторожнее, – говорит Рип и обнажает зубы в свирепой улыбке. – Помни пословицу про камни и стеклянные дома.

– Я живу не в стекле, а в золоте. Так что могу бросаться камнями сколько вздумаю, – огрызаюсь я.

– Верно. Ничего иного от тебя я не ждал.

Я резко вскидываю голову.

– И что это значит?

– Только то, что ты всегда стремилась побыстрее меня осудить, – с дерзким безразличием отвечает Рип. – Скажи, Мидаса ты тоже называла лжецом? – провоцирует он, нахмутив шипастые брови. – Давно он заявляет о твоей силе как о своей собственной? Давно ты всем про него лжешь?

– Мы не Мидаса обсуждаем.

У него вырывается едкий смешок, жалящий, причиняющий боль.

– Ну, разумеется. Твой золотой царь всегда прав, – язвительно бросает Рип.

Я с такой силой впиваюсь ногтями в обнаженную ладонь, что почти надрываю кожу.

– Ты не имел права злиться, когда я решила к нему вернуться. Нет, ведь ты обманывал меня с самого начала.

Из горла у него рвется жуткий рык, словно Рип пытался его сдерживать, но безуспешно.

– Он тоже тебя обманывал!

– Вот именно! – кричу я, и этот возглас, как сопровождающие его невыносимые чувства, вынуждают Рипа отшатнуться. – Мне осточертело, что все меня обманывают! Лгут, манипулируют. Ты пытался притвориться, что намного лучше него, однако точно такой же.

Лицо Рипа становится мрачным как ночь, и у меня появляется нехорошее предчувствие.

– Неужели? – ответ его резкий, но удар наносит взгляд.

Между нами повисает жаркая удушливая тишина. Мертвый груз трупа, тлеющего под ногами. Видение друг друга затуманивается дымкой нашего разлада.

– Благодарю за разъяснение, теперь я знаю, что ты на самом деле обо мне думаешь. – Аура Рипа струится вокруг него, и, поскольку теперь я знаю, что в ней таится подавляемый пар гнойной силы, мне хочется сбежать и скрыться. – Отличное напоминание о том, насколько искажены твои суждения.

Ненавижу его. Ненавижу теперь с такой силой, что жжет глаза. Жжет так, что я больше не могу сдерживать язычок пламени. По щеке стекает жгучая слеза, и Рип проводит по ней взглядом, пока она не падает мне на подбородок.

– Вероятно, мои суждения не были бы так искажены, если бы люди, которым я доверяла, не пытались хитрить, изворачиваться и лгать, – резко отвечаю я и смахиваю еще одну случайно вырвавшуюся слезу.

Сломанная клетка в тени за его спиной глумится надо мной. Она – напоминание. О том, что может произойти, когда тот, кому я доверяю, водит меня за нос.

– Аурен... – В его голосе звучит то, что мне не по силам услышать.

Я опускаю взгляд, сосредоточив внимание на расползающихся под нашими ногами тенях, и из груди у меня вырывается вздох.

– Ты стоял рядом, целовал меня и пытался убедить выбрать тебя, тогда как я даже не знала тебя настоящего, – безжизненным тоном произношу я и снова смотрю на Рипа. – Ты заставил меня чувствовать себя самым ужасным человеком на свете за то, что я выбрала его, хотя я снова и снова предупреждала, что должна это сделать.

Услышав последнее, Рип резко поднимает голову и прищуривается в темноте.

– Должна?

Я вмиг жалею о неосторожно произнесенном слове.

С тем же каменным выражением лица я говорю:

– Я хочу, чтобы ты ушел.

На его лице снова появляется тот темный, мрачный гнев, на покрытом щетиной подбородке сплетаются линии, обозначающие его силу.

– Нет.

Сердце у меня сжимается сильнее кулаков. Ненавижу, что отчасти чувствую облегчение от того, что Рип здесь, словно теперь мне ничто не угрожает, словно он по-прежнему мой союзник.

Потому что это не так.

У меня нет союзников, и я должна помнить об этом. Кого бы я ни видела в Рипе, теперь я должна об этом забыть. У меня никого нет.

Разжав пальцы, я поднимаю руку и провожу ею по лицу. Как же я устала. Чертовски устала от лжи. От его лжи. Мидаса. Даже своей. Я опутана обманом и создана для манипуляций, до отказа набита всем, что мне пришлось сделать, чтобы выжить.

Я хочу избавиться от всего этого. Хочу снять обвивающие меня путы прежде, чем превращусь под ними в мумию.

Напряжение Рипа такое сильное, что он почти дрожит от него, как готовое разразиться громом грозное облако.

– И все? Я буду нести бремя твоего гнева, а ты продолжишь пресмыкаться перед Мида-сом?

Я с гневом смотрю на него.

– Мои действия тебя не касаются.

– Проклятье, Аурен...

Я резко его перебиваю:

– Чего ты хочешь, Рип? Для чего ты здесь?

Он скрещивает на груди руки, шипы плавным, непринужденным движением исчезают под кожей.

– Я? Я просто прогуливался.

– О, отлично, список пополнился еще одной ложью, – злобно говорю я. – Стоит ли мне взять перо и бумагу, чтобы вести счет?

Рип вздыхает и трет пальцами лоб, в его холодном выражении лица появляется столь редкая брешь.

– Ты драматизируешь.

Я замираю, ошарашенно уставившись на него.

– Я только что видела, как ты из короля превратился в командира так же быстро, как другие надевают пальто, – колко произношу я. – Несколько часов назад ты разрушил гнилью двор Рэнхолда, просто по нему пройдя, и угрожал городу войной. Я более чем уверена, что за спиной у меня сейчас полная комната стражников, которых ты убил. Ты только что признался, что все время нашего знакомства обманывал меня, и все же... Считаешь, что я драматизирую?!

У него на скулах начинают играть желваки.

– Скажи, что из перечисленного волнует тебя сильнее всего?

– О, не знаю, я не любительница вранья, но и бездумное убийство тоже меня не прельщает.

– Это не бездумное убийство.

Я проглатываю ком в горле, пытаюсь примириться с подтверждением того, что в соседней комнате действительно лежат мертвые стражники.

– Ты убил их гнилью?

– Меня намного сильнее интересует твоя сила, – отвечает Рип, и внутри у меня все переворачивается, когда он смотрит на статую женщины внутри клетки. – Это первый человек, которого ты превратила в золото?

– Это была случайность, – выпаливаю в ответ, потому что уж я точно не бездумный убийца.

Он торжествующе пробегает взглядом по моему лицу, и я корю себя за то, что буквально только что подтвердила его предположения.

На его лице мелькает понимание, и в глазах блестит любопытство.

– Случайность... Выходит, это происходит от прикосновения? Поэтому ты всегда прикрываешься одеждой? Ты не умеешь управлять собственной силой?

От его высокомерных вопросов меня переполняет стыд. Этот мужчина, по-видимому, обладает неуправляемым контролем над своей магией, и я не должна удивляться, что он обратил внимание на мою никчемность, но все равно обидно.

– И как это происходит? – требовательно спрашивает он, когда я не отвечаю.

– И вот опять ты пытаешься вырвать у меня правду, на которую не имеешь права, – говорю я. – Тебя поэтому зовут Рипом?

– А ты позволяешь называть себя позолоченной наложницей, – парирует он, чем приво-
дит в ярость. – Похоже, все, что ты во мне ненавидишь, Мидас уже демонстрировал тысячи раз.

Он прав, и за это я тоже его ненавижу.

Я щурюсь, но ничего не произношу, потому что говорить мне мешает презрение к самой себе.

Рип наклоняет голову и оглядывает меня.

– Как хорошо всех обставляет этот царь без силы. Пользуется тобой с такой скрытной продуманностью. Неудивительно, что он держит тебя в клетке.

Меньше всего я хочу обсуждать свое пребывание в клетке. На спине выступает холодный пот, стоит даже услышать это слово.

– Как ты меняешь свою внешность? – переводя тему, спрашиваю я. – Какого черта никто до сих пор не понял, что вы двое на самом деле один и тот же человек?

Сколь бы ни злилась я на Рипа за его обман, еще сильнее я злюсь на себя саму за то, что не поняла все с самого начала. Даже с гнилыми линиями, ползущими по его лицу, даже с этими зелеными глазами и окутывавшей его тенью я все равно должна была его узнать. Я пробыла с Рипом довольно долго и могла его раскусить.

У Ревингера точно такой же волевой подбородок, точно такие же черные волосы. Рип просто больше походит на фейри. Его черты более острые. Немудрено, что поговаривают, будто грозного командира изменил король Рот, потому что Рип выглядит совсем иначе. Очертания лица, кончики ушей, шипы на спине и руках – все настолько острое, что ими можно резать стекло, и насколько он не похож на других.

В облики Ревингера он выглядит странно из-за этих расползающихся темных корней, которые колышутся на его коже как тени. Большую их часть скрывает щетина на подбородке. Интересно, насколько далеко простираются эти линии? Интересно, что они вообще означают?

Но даже при таких различиях между Рипом и Ревингером довольно много сходства, которое мне следовало заметить. Стоило королю войти в эту комнату, как я должна была почувствовать, кем он является на самом деле. Черные глаза или зеленые, шипы или гладкая кожа, заостренные уши или ровные – я должна была понять.

Оба облика необыкновенно красивы и невероятны, и не важно, какой у него цвет глаз, – король смотрит на меня с тем же пылом, что и всегда.

– Приобретенный навык, – всего лишь говорит он. – Что касается остальных, они видят то, что им говорят видеть, верят в то, во что им велят верить. Но я ведь не обязан объяснять это тебе, правда? Мидас на протяжении многих лет извлекал выгоду из того же, – с явным презрением говорит Рип. – Какого черта ты позволяешь всем верить, что это он обладает золотосной магией, когда все это время ею обладала ты?

Я почти закрываю глаза от его раздраженной озадаченности.

– Смеешься? Я рада скрывать свою силу. Когда золото впервые начало сочиться из моих пальцев, я поняла, что попала в беду. Знаешь, как бы поступили люди с девочкой, которая может все обращать в золото? – Я качаю головой и провожу уставшей рукой по лбу. – Нет. Этот мир в достаточной мере мною пользовался.

Пользовался, оскорблял... и только потому, что тогда я просто выглядела золотой. Я и помыслить не смею, что бы произошло, если бы тогда я не сбежала. Если бы до сих пор находилась в гавани Дерфорт, когда проявилась моя сила, то все для меня обернулось бы еще хуже, и я никогда бы не смогла сбежать. От этой мысли мое тело охватывает дрожь.

Шипы на спине Рипа сжимаются как кулаки, а на его лице тенью повисает непроницаемое выражение.

– А теперь? Тебе кажется, что ты до сих пор должна прятаться, Аурен?

Я уверенно смотрю в его глаза своими золотыми.

– Не спрашивай меня об этом.

– Почему? – возражает он.

– Потому что из-за коварных побуждений хочешь, чтобы я рассказала правду. – Сквозь мою кожу проступает печаль, разочарование ложится на плечи как плащ. – Ты хочешь, чтобы я перестала скрываться и тем самым уничтожила Мидаса.

Его молчание, его неспособность отрицать мои слова говорят сами за себя.

Сначала Мидас, теперь он. Я хочу убежать как можно дальше от любого правителя в Орее, черт бы их побрал, и спрятаться там, где никто из них не сможет меня найти. *Сколько еще мне по силам вытерпеть?*

Становится все сложнее и сложнее стоять тут, смотреть ему в глаза и ощущать, как мое сердце пронзает сокрушительное разочарование.

– Я хочу, чтобы ты ушел, Рип, – снова произношу я, надеясь, что теперь он прислушается.

– Я говорил, что ты можешь называть меня Слейдом.

– Благодарю, но нет, – резко отвечаю я и с удовольствием замечаю промелькнувшую в его глазах досаду. – Но вместо того я присяду перед вами в реверансе, Ваше Гнилое Величество.

Он сердито смотрит на меня.

– Ладно, я уйду. Если кое-что мне скажешь.

– Что? – с досадой спрашиваю я.

Рип наклоняется так, что наши лица оказываются друг напротив друга, так близко, что я чувствую жар его тела.

– Почему ты кричала?

Я с недоумением смотрю на него, застигнутая врасплох его вопросом.

– Я... я не кричала.

Судя по выражению лица Рипа, я его совершенно не убедила, и мой невнятный ответ не помог.

– Хм. Возможно, это мне стоит достать бумагу и перо, чтобы проследить, сколько было между нами лжи.

Подлец.

– Ты ошибся. Ты не слышал, как я кричала, – вру я, хотя сердце в груди стучит так гулко, что надеюсь, он его не слышит.

По правде, я была сродни загнанному в клетку животному, готовая снести эту дверь голыми руками, когда стражники держали меня взаперти, но признаваться в этом сейчас не готова. Не Рипу.

Рип снисходительно приподнимает бровь.

– Правда? Выходит, мне послышалось, как ты кричишь и умоляешь тебя выпустить?

Дело – дрянь.

Требуется немало усилий, чтобы не обличить свои истинные чувства, особенно когда он стоит так близко.

– Возможно, эта уродливая ветвистая корона сдавила тебе голову, и у тебя возникли проблемы со слухом.

К моему превеликому разочарованию, он ухмыляется. Ненавижу, что при виде этой ухмылки у меня внутри все трепещет.

И хотя между нами едва ли метр, Рип наклоняется вперед, и я задерживаю дыхание. Он крадет весь воздух, и кровь в венах стучит, как дергающаяся на привязи собака.

Стоя вплотную ко мне, Рип наклоняет голову, а свою мне приходится запрокинуть. Мы смотрим друг на друга, и наши скрещенные взгляды полны смешанных чувств без надежды их истолковать.

Что таится в безмолвных, бурлящих глазах этого мужчины? Почему я чувствую, будто меня подавляют изнутри? Рип обладает надо мной властью, которая никоим образом не связана с его аурой, а имеет отношение только к тому, как мой взгляд опускается на его губы, когда он резко втягивает воздух.

Он снова отвечает мне сводящей с ума ухмылкой.

– Хм, а мне нравится твой гнев, Золотая птишка. Если только он направлен не на меня.

Я открываю рот, чтобы наорать на него, но не успеваю даже вымолвить и слово, когда он опускает руку и хватает одну из моих лент. Я замираю, а сердце сбивается с ритма.

Мы оба смотрим на ленту, которую он держит в руках, а когда Рип с нежностью гладит шелковистую золотую длину, у меня перехватывает дыхание.

Лента, словно мурлыча, легонько трепещет между его указательным и большим пальцами. По оставшимся пробегает дрожь, каждая с облегчением опадает, словно тоже чувствует его прикосновение. По рукам у меня бегут мурашки, когда Рип продолжает гладить ленту, даря ей такое спокойствие, какое мне прежде не доводилось ощущать.

Я должна выдернуть ее. Должна отступить. Должна сделать хотя бы что-то и проложить между нами дистанцию.

Но я этого не делаю. Не делаю и даже не могу признаться почему.

Его близость, его взгляд путают мои мысли. Я не могу соображать, чувствуя на лице его дыхание, его едва ощутимое прикосновение.

Я должна помнить, кто он такой, на что способен. Должна теперь пуще прежнего быть настороже.

– Тебе приходится их прятать, – тихо говорит он, и по какой-то причине глаза снова начинают слезиться.

Мне не по душе окружившие меня чувства. Я хочу придерживаться гнева, воспользоваться им, чтобы оттолкнуть Рипа. Воздух между нами стужается, словно мы миновали кромку деревьев и ушли дальше в лес. Он настолько зарос ветвями и колючими кустами, что я не могу пройти через него, не оцарапавшись.

С усилием мне удастся прочистить горло и прошептать:

– Уходи, Рип. Пожалуйста.

Что-то мелькает на его лице, и момент, в котором мы только что пребывали, развеивается. Рип отпускает ленту, и она тут же повисает, увядает молчаливым вздохом, как цветок, покорно склонившийся к земле.

Когда Рип отходит, я чувствую и облегчение, и пустоту. А вместо того силюсь не чувствовать ничего.

Рип открывает рот, словно хочет заговорить, но, что-то услышав, тут же замирает и наклоняет голову.

Я настораживаюсь.

– Что?

– Хм, похоже, пока я не могу уйти.

– И с чего бы это?

На его лице снова появляется эта усмешка, что выводит меня из себя, но она иная. Эта ухмылка... злорадствующая и приводит в ужас.

– Потому что сюда идет твой золотой царь. Пожалуй, я останусь и поздороваюсь.

Глава 2

Аурен

Я распахиваю глаза.

– Что? Мидас возвращается?

Рип выгибает бровь.

– Что не так? Тебя это опечалило?

От охватившего меня огорчения я поджимаю губы. Если Мидас рядом, то я упустила шанс улизнуть.

Хотя, положа руку на сердце, признаю: это все равно было неосуществимо. Мне бы пришлось изучить каждый уголок этого замка и только тогда бы крайне повезло выбраться без ведома Мидаса. Даже если бы мне по чистой случайности удалось сбежать, рано или поздно он бы все равно вышел на мой след. Мидас никогда не позволит мне его оставить.

Я в ловушке. Наложница, опутанная узами.

– Ты должен уйти сию же секунду, – упорствую я.

Рип просто глядит на меня, не сдвинувшись ни на дюйм, чем раздражает еще больше.

– Почему?

Не веря своим ушам, смотрю на него.

– Потому что если Мидас увидит тебя здесь...

– И что он сделает? Превратит меня в золото? – с мстительным блеском в глазах глумится

Рип. Разумеется, он уверен в себе. Почему бы и нет? В его руках величайшая тайна Мидаса.

Меня сковывает напряжение.

– Не...

Рип лукаво мне улыбается.

– Прошу простить, сменю личину.

Я не успеваю взять себя в руки, как его сила вырывается наружу, и меня начинает тошнить. Я приваливаюсь к дверному косяку, сдерживая рвотные позывы, когда взбудораженная магия пробивает себе дорогу.

Рип снова начинает меняться, и я смотрю, как исчезают острые черты его лица. Заостренные уши фейри смягчаются, высокие скулы разглаживаются, а серая чешуя пропадает. В мгновение ока коротких шипов над бровью как не бывало, так же быстро исчезают шипы на руках и спине.

Когда Рип исчезает и его место занимает король Ревингер, все его тело трясется. Он ведет мускулистыми плечами, и на шее под кожей проступают темные коварные линии. Они расползаются до его подбородка, как корни в поисках более благодатной почвы.

Я втягиваю воздух, пытаюсь побороть осевшую в животе тошноту. Но, прежде чем она успевает поглотить меня полностью, его сила стихает. Мое тело с облегчением обмякает, и я, дрожа, смотрю на него.

Перевоплощение завершено, и когда он снова открывает глаза, в них нет знакомой черноты. Вместо того я вижу темно-зеленую радужку глаз короля гнили.

Отвернись, убеждаю я себя.

Я должна отвернуться, потому что каждый раз, когда наши взгляды пересекаются, внутри у меня все переворачивается, в груди ноет, и появляется ощущение, будто я не знала его вовсе.

Сердце снова начинает гулко биться, но я не знаю, в чем причина: в том, как воздействует на меня его сила, или потому что он пугает меня в этом облики, – меня пугает король Ревингер. Забавно, что он прячет шипы и чешуйки и вместе с тем становится еще более пугающим.

Мне не по душе видеть этот облик. Сколь бы ни пыталась я убедить себя, что это просто Рип, он все равно кажется мне незнакомцем. Незнакомцем, которому я не осмелюсь довериться.

Мое беспокойство превращается в страх, я поворачиваюсь и, спотыкаясь, иду в спальню Мидаса от необходимости оказаться от Ревингера как можно дальше, от необходимости бежать.

Но успеваю сделать лишь пару шагов, потому что спотыкаюсь обо что-то, лежащее на полу. Мне удастся обрести равновесие, не грохнувшись на пол, и только тогда я понимаю, что споткнулась о тело.

– Великие боги... – Поднеся руку ко рту, я с ужасом смотрю вниз на распростершегося у моих ног человека.

Глаза стражника закрыты, а рот разинут. Золотые нагрудные доспехи блестят, но под ними кожа поблекла и стала серого цвета. Как виноград, сорванный с черенка и брошенный на землю вяннуть на солнце.

Я быстро перевожу взгляд на второе тело – еще один стражник в том же состоянии. А потом еще один, еще и еще.

Из горла у меня вырывается сдавленный крик, а в ушах звенит от ледящего кровь страха. Но я не в силах отвести взор от лежащих ничком трупов, от высушенных глаз, в которых застыл ужас. Не в силах отвернуться от потрескавшихся губ или впалых щек.

Потому как... вот на что способен Ревингер.

В один миг все эти стражники живы, а в следующий – от них остается всего лишь высушенная кожа.

Чувствую, как от сбивчивого дыхания поднимается и опускается грудь, но как бы часто я ни дышала, воздуха мне не хватает, потому что в голове гудит одна-единственная мысль.

А поступила бы я так же?

Если бы солнце не село и моя сила золотого прикосновения еще была в действии, смогла бы я взломать эту дверь, стала бы я той, кто убил стражников вместо Ревингера?

Чувствую, как подступают слезы. Возможно, пелена перед глазами – это единственный способ моего тела защититься, но он безуспешен.

Помогает только, когда Ревингер встает передо мной и загораживает вид. Я веду взглядом вверх по его телу и наконец смотрю ему в глаза. Зеленый взор скользит по моему лицу, как пар по горячей воде.

– Ты должна дышать, Аурен.

– Я и дышу, – огрызаюсь я.

– Ты часто дышишь и задохнешься, если продолжишь в том же духе, – спокойно отвечает он. – Ты когда-нибудь видела, как золотится смерть только в твоей силе?

Я горько усмехаюсь.

– Я повидала множество смертей.

Старые стертые воспоминания прорываются одно за другим. Я повстречалась со смертью в ночь, когда меня выкрали из дома, и с той поры она неотступно за мной следовала.

– Эти люди не заслужили такого, – говорю я и сердито смахиваю слезу, упавшую с ресниц.

– Не соглашусь. Они удерживали тебя против воли.

Я с яростью смотрю на него.

– Они всего лишь исполняли приказ. Делали то, что им велено. – В голове возникают мысли о том, что велели делать *мне*. – Я не хотела... – Не выношу, когда мой голос прерывается. – Этого.

Я задыхаюсь от чувства вины, которое в тишине словно становится еще более осязаемым.
– Эти твои золотые глаза... такие выразительные, – шепчет Ревингер. – В один миг в них ненависть, а в следующую – любовь.

Он устремляет на меня зеленый, как лес, взгляд и поднимает руку, а я инстинктивно вздрагиваю. В ответ на мой отклик Ревингер замирает и мрачнеет.

– Я не причиню тебе боли, Золотая пташка.

Выражение моего лица подсказывает ему, что уже причинил.

Стиснув челюсти, он поворачивает руку, словно прокручивает невидимую рукоятку. Темные линии его магии медленно обвиваются вокруг ладони, обхватывая пальцы подобно вьющимся стеблям лозы.

Я чувствую, как меня снова легонько касается его сила, напоминающая дуновение ветерка. Готовлюсь к приливу тошноты, но она не наступает. И волны гнилой дурноты тоже сейчас не ощущаю. На вдохе магия ухватывается за воздух призрачной дымкой, наполняющей грудь жизнью.

Я не съеживаюсь, не давлюсь и не падаю без сил на пол. Меня не тошнит. Наоборот, вокруг нас гудит энергия, и каждая моя лента вытягивается, а спина покрывается мурашками.

Внезапно в комнате раздается кашель, и я встревоженно подпрыгиваю, резко повернувшись на звук.

– Что...

Все лежащие вокруг меня стражники переворачиваются или садятся, надрываются от сухого кашля, который дерет им глотки наждачной бумагой, и пытаются втянуть воздух потрескавшимися губами.

Округлив глаза, я резко смотрю на Ревингера.

– Как ты... я думала, они мертвы!

Он снова опускает руку, и линии исчезают с его ладони.

– Были бы мертвы, если бы я подождал еще немного. Гниющее тело можно обратить вспять только спустя определенное количество времени.

Я недоуменно таращусь на него и качаю головой, пока солдаты поднимаются на ноги. Они сбиты с толку и выглядят так, словно посмотрели Смерти в лицо и не уверены, как им удалось пересечь черту и вернуться к жизни.

– Ты только что... ты... почему? – задыхаясь, спрашиваю я, потому что совсем его не понимаю.

Ревингеру не предоставляется возможности мне ответить. Дверь в спальню внезапно распахивается, и нас прерывают.

Мидас резко останавливается в дверях. Его золотистая туника и брюки мерцают в приглушенном свете, отчего его медово-светлые волосы кажутся даже светлее. С удивлением он обводит комнату взглядом и напрягает загорелый, резко очерченный подбородок. Смотрит на пошатывающихся стражей, которые до сих пор пытаются встать по стойке смирно, а потом его взгляд падает на меня. Когда Мидас замечает стоящего рядом со мной Ревингера, его лицо искажается от гнева.

– Что это все значит? Какого черта вы заявляетесь в мои личные покои? – Я едва узнаю голос Мидаса из-за сквозящей в нем ярости. Он величественно идет вперед и останавливается рядом со мной, однако взгляд карих глаз прикован к королю гнили.

Ревингера словно не трогает гнев Мидаса. Напротив, он смотрит на того со скучающим весельем. Ощущение, будто он не только изменил свой облик, но и за долю секунды стал совсем иным человеком. Даже жесты его кажутся иными. Ревингер выглядит чванливым и спокойным, темные брови приподняты в аристократичном и насмешливом выражении.

Шипов, чешуи и враждебного взгляда как не бывало. Их сменили глумливая улыбка на губах и увивающие кожу линии, корона криво лежит на голове. Неудивительно, что остальные не подозревают, что это один и тот же человек.

– О, а разве это не мои гостевые покои? – отвечает Ревингер с притворной простотой и оглядывает комнату. – Виноват.

– Тебе прекрасно известно, что нет, – цедит сквозь зубы Мидас. – И, что во имя всех богов, ты сотворил с моей стражей?

Мужчины еще немного покашливают, но им хотя бы удастся стоять прямо, даже если они выглядят так, словно по ним прошла сама смерть.

– О, со стражей? Я немного отравил их гнилью.

Мидас с ужасом восклицает:

– Ты... что?

Я настороженно наблюдаю за ними, словно застряв между двумя непоколебимыми камнями.

Ревингер пожимает плечами.

– Они уже оправились. Немного еды и отдыха – и будут в полном порядке.

Я явственно ощущаю злость Мидаса, как и вижу, что она зарождается в его карих глазах.

– Это акт агрессии.

Зеленые глаза смотрят на Мидаса, пронзая его насквозь.

– Если бы это было агрессией, ты бы знал об этом, – холодно отвечает Ревингер, чье пренебрежительное выражение лица сменяется чем-то более безжалостным. В груди у меня сжимается, я быстро вожу взглядом между ними.

С мгновение Мидас молча негодует, а потом переводит внимание на открытую дверцу клетки – дверцу, которая теперь переливается золотом.

– Что тут делает моя фаворитка и почему она осталась наедине с иноземным королем? – требует он ответа у стражников.

Не знаю, как таковое возможно, ведь они и без того до ужаса бледны, но облаченные в доспехи мужчины еще сильнее белеют. Некоторые из них быстро кидают встревоженные взгляды в мою сторону, и внутри у меня все холодеет.

Они видели. Видели, как дверца клетки превратилась в золото. Я в гневе ударила по ней ладонями, пытаясь выломать, и позолотила полностью прямо у них на глазах.

Мидас сдвигает брови, и его взгляд темнеет, когда он понимает, что они, должно быть, видели.

Черт.

– Иноземный король? – вмешивается Ревингер, делая вид, будто не понимает. – Мидас, мы несколько часов назад заключили соглашение, ты разве забыл? Мы теперь союзники, – усмехнувшись, говорит он.

– И все же ты здесь, в моих покоях, используешь свою силу против моих стражников и стоишь рядом с моей фавориткой, на что не имеешь никакого права! – резко отвечает Мидас. – Мы оба с тобой понимаем, что ты не мог перепутать мою комнату со своими покоями.

Мидасу не нравится, когда его застают врасплох. Как истинный зачинщик, он придирчив в отношении каждого исхода событий. И раз уж Ревингер проник в его личные покои, то Мидас предчувствует угрозу, как загнанная в угол добыча.

А когда Мидас чувствует себя загнанным зверем, он опасен.

Ревингер осматривает комнату, замечает кровать, камин, балкон – все без энтузиазма и интереса.

– Возможно, ты ошибся. Возможно, я и впрямь перепутал со своими покоями и отравил твоих стражников, решив, что ты пытаешься устроить мне засаду.

Из груди Мидаса вырывается звук, похожий на рык.

– Или... – продолжает Ревингер, – возможно, я просто хотел взглянуть, как живет действующий монарх Пятого королевства. – Зеленый взгляд скользит по мне. – Интересно, как держат фаворитку царя, – изогнув губы, задумчиво бормочет он. – Как ты считаешь, что можно сказать о мужчине, который держит женщину в клетке?

У меня перехватывает дыхание. Я чувствую, как от повисшего в комнате напряжения стучит мое сердце. Напряжение такое густое, что обвивается вокруг моей шеи и сбивает с ног.

Ревингер наблюдает за Мидасом, а Мидас наблюдает за Ревингером.

Я наблюдаю за ними обоими.

Ревингер хочет резать и колоть, быть шипом в спине Мидаса. А Мидас выглядит так, словно хочет повалить Ревингера на землю.

Но... он не может.

Конечно, обычно я – единственная, кто знает об этом. Мидас очень умело играет свою роль. Если уж на то пошло, у него было десять лет, чтобы отточить эти навыки. Ловкость рук, нарочитое приглашение меня на пиры, запоздалый принос золотых предметов... он умеет вести себя так, словно эта сила принадлежит ему.

Но Ревингер теперь знает правду. Мидасу это недоступно – и я хочу, чтобы так и оставалось. И все же, возможно, все вот-вот пойдет насмарку. Возможно, Ревингер его разоблачит. Или, быть может, он просто отравит Мидаса гнилью, не сходя с места.

Тревога сжимает меня, как туго стянутый корсет.

Стражники Мидаса переминаются с ноги на ногу. Возможно, они тоже чувствуют угрозу, как я. Меньше всего, наверное, им хочется снова выступать против Ревингера. В первый раз это сыграло с ними дурную шутку. Но они стражники, и потому выбора у них в самом деле не так уж и много.

Тишина в комнате только усиливает напряжение, и даже мои ленты, как бы больно им ни было, напрягаются, словно в ожидании битвы. Если она и случится, то Мидасу ее не выиграть. Угрозами тут не поможешь.

Похоже, он приходит к точно такому же выводу, потому что я вижу, что Мидас решает отступить. Это требует сил, но его лицо расслабляется, пальцы разжимаются, и он силится выглядеть бесстрастным, а учтивое выражение лица стирает все следы его истинных чувств.

Мидас не дурак. Он знает, как изучать своих противников, и в этот миг понимает, что хозяин положения не он. Когда нет возможности рассчитывать на победу с помощью своей силы, остается вести политические игры.

Вот почему я не удивлена, когда он прочищает горло и произносит:

– Как ты сказал, мы действительно союзники. Поэтому я прощу эту ошибку.

Ревингер наклоняет голову, на его губах мелькает ухмылка.

– Весьма признателен. – Он снова переводит на меня взгляд и подмигивает, после чего выходит из комнаты.

Стоит королю гнили уйти, как я перевожу взгляд на Мидаса, но все его внимание занимают стражники.

– Вы обманули мои ожидания, – говорит им он.

Мужчины напряжены, некоторые из них вздрагивают, когда он проходит мимо них в коридор и говорит так тихо, что я его не слышу. Как только Мидас возвращается в комнату, вместе с ним входят еще десять солдат, и те тут же хватают стражников, которым было велено за мной присматривать.

Мужчины не артачатся, когда их утаскивают прочь, а я с замиранием сердца понимаю, что Мидас убьет их, ведь они стали свидетелями того, что я сделала с этой дверью.

– Не убивай их, – срывается с моих губ мольба, как прорастающее из земли растение, хотя я знаю, что она бесплодна. Как и большинство моих просьб к Мидасу.

– Все кончено, – прищурившись, отвечает он. – Они определили свою судьбу, увидев то, что им не положено видеть.

Горло сжимается от непреложного чувства вины. Не только потому что я потеряла контроль и позлотила женщину, которая заняла мое место, но и потому, что теперь эти мужчины умрут из-за моей силы. Возможно, не от моей руки, но конечный результат неизменен.

Как я сказала Ревингеру, я видела множество смертей.

Возможно, стражникам было бы лучше оставаться гнилым ворохом на полу. Кто знает, какая судьба была бы милосерднее? Возмездие какого правителя они бы предпочли сами?

Я глотаю подступивший к горлу ком, но на сей раз тошнота не имеет никакого отношения к силе Ревингера. Она связана лишь с моими сожалениями и человеком, стоящим рядом.

Глава 3

Аурен

После ухода Ревингера комната внезапно кажется опустевшей. Я не осознавала, каким довлеющим было его присутствие, пока он не ушел.

Я должна была бы почувствовать облегчение, но не ощущаю его.

Мой взгляд падает на Мидаса, в чертах моего лица пробивается ожесточение, как трещины в стекле. Просто чудо, что я еще не показываю свою злость, не таясь. Все мое тело напряжено от предвкушения следующего хода Мидаса.

Какое-то мгновение он просто смотрит на меня. На нем больше нет ни короны, ни мантии – только золотистая туника и штаны, заправленные в блестящие сапоги.

Ревингер отметил, что прошло несколько часов с тех пор, как они заключили соглашение. Выходит, Мидас отправился невесть куда и оставил меня здесь метаться подобно дикому зверю. В груди наряду с болью закипает гнев, обе эмоции клокочут, вырываясь на поверхность.

Не знаю, что он видит в моем лице, однако я в его вижу многое. Теперь я понимаю его так, словно все, что Мидас говорил, – это небрежно написанная на его губах ложь. В страницах, которые он занял в моей жизни, нет ничего настоящего.

Наше молчаливое разглядывание друг друга прерывает стук в дверь. Мидас идет к комнате, где стоит клетка, и закрывает позолоченную дверь, прячет итог произошедшего, а потом велит постучавшемуся войти.

Из коридора заходят две служанки, их золотые одеяния закрывают их с головы до пят, на голове каждой – одинаковые чепчики. Одна несет груды одежды, а другая держит поднос с едой. Обе приседают в реверансе, после чего направляются к купальне.

Слышу звяканье труб и визг воды.

Мидас прочищает горло и говорит более мягким голосом:

– Они подготовят для тебя ванну, и ты сможешь помыться и поесть.

От удивления я замираю. Я думала, он попытается снова запихнуть меня в комнату с клеткой. Была готова к его бранным вопросам, как я из нее выбралась, что тут делал Ревингер, а вместо того он протягивает мне руку в знак примирения.

– Я не хочу принимать ванну, – скрежещу я зубами. Не хочу принимать ванну только потому, что это он так приказал.

Мидас вздыхает.

– Аурен, клетка...

– Я не вернусь в эту богами проклятую клетку! – злобно проговариваю я ожесточенным шепотом. – Ты можешь привести всех кузнецов в королевстве, но, клянусь всевышними богами, я сломаю все двери. Можешь запереть меня в этой комнате, приставить сотню стражей, но я...

Я осекаюсь, вспомнив о служанках в соседней комнате, и мы оба украдкой смотрим в сторону купальни.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, я наклоняюсь к Мидасу и говорю таким тихим голосом, чтобы слышал только он один:

– Если еще раз попробуешь запихнуть меня сюда, я буду бороться с тобой и больше никогда не превращу в золото ни одного предмета.

Яд, выплескивающийся из моего рта, искрит ярче любого огня. И пусть он опалит Мидаса так же сильно, как он обжигал меня.

Мидас замирает, от гнева на его загорелом лице, на щеках, появляются два красных пятна. Я повергла его в изумление, судя по тому, что он даже дышать забывает. Он не привык к такому моему поведению, к этой девушке, которая не пресмыкается перед ним и не падает ниц.

Я тяжело дышу от разъяренного запала, звучащего в моем голосе. Не удивлюсь, если мои золотые глаза вдруг полыхнут пламенем.

Мидас смотрит на меня. Вижу, как он размышляет, почти слышу кружащие в его голове мысли, пока он пытается придумать, как со мной сладить. Мне это понятно, потому что все эти годы моей любви я не только вздыхала по нему, но и наблюдала. Я его изучила так же, как кто-то изучает язык.

Это было необходимо из-за его трудного нрава, потому что я совсем не хотела попасть к нему в немилость или вывести из себя. Только по причине моего обостренного восприятия к его эмоциям, по причине многолетнего изучения, я знаю, как устроен его разум.

Лицо Мидаса добрее, его глаза цвета розового дерева становятся нежнее, словно мне удалось до него достучаться.

Мидас поднимает руку и проводит подушечкой большого пальца по моему подбородку. Я замираю и отворачиваю голову, но он обхватывает ладонями мое лицо и смотрит на меня измученным взглядом.

– Мне очень жаль, Драгоценная. – Его дыхание овевает мои губы, голос выражает раскаяние.

Раньше я бы расчувствовалась. Склонилась бы к нему, как цветок, сгибающийся в его присутствии. Но я не лгну к его руке и мои губы не приподнимаются во всепрощающей улыбке. Ресницы не трепещут, а с губ не слетает вздох.

Потому что... слишком поздно.

Повязка с глаз сорвана. Теперь сердце не сжимается. Внутри не появляется трепет. Он сломал во мне что-то большее, чем просто сердце. Он сломил мою волю. Мою силу. Мой голос. Он сломил и мой дух, а я ему позволила.

Бремя любви, которую я так долго питала к нему, спало. Оно сходит, как высохшая мертвая кожа, трескающаяся под палящим солнцем. Бесцветные, опустошенные полосы, которые больше ничего не чувствуют. Я больше никогда не стану глиной, которую он лепит по своему желанию. Я сама себя вылеплю.

– Я вел себя неподобающе. Был совершенно не в себе, – говорит он, мягкими пальцами лаская мои щеки, пока я смотрю на золотые пуговицы его рубашки. – Я чертовски волновался за тебя, а после случившегося мне необходимо было тебя уберечь. Ты только что ко мне вернулась, да и все эти переживания, связанные с Четвертым королевством... – Мидас смолкает и опускает руки с моего лица.

Я ничего не говорю, слишком увлеченная раздумыванием над его витиеватыми фразами и углубленная в крепкую почву того, что он на самом деле делает.

Он меняет тактику.

Мидас не дурак. Он знает, что мои угрозы существенно усложнят ему жизнь. Я ведь как никак ему нужна. От меня зависят все его притязания на трон. Законы Ореи диктуют, что править могут лишь те, кто наделен магией, и Мидасу нужна моя сила, чтобы обман продолжался.

Что скажут люди, если внезапно он перестанет превращать предметы в золото?

Ему нужно, чтобы я была довольной. А как еще можно вернуть надо мной власть, кроме как дергая за струны моей души?

В прошлом ему всегда удавалось убедить меня хорошо себя вести. Делать то, что он велит, доверять тому, что он говорит, и позволять ему делать все, что взбредет в голову, пока я чахну за позолоченными прутьями.

Но Мидас не может удерживать меня без согласия и никогда не захочет, чтобы я осознала правду. Ему не выгодно, чтобы я очнулась и поняла, какой огромной силой я в действительности наделена.

Пока мы стоим, погруженные в тишину, в ванной комнате перестает журчать вода, и спустя мгновение выходят служанки. Перед уходом они склоняются в реверансе, а потом покидают комнату. И даже тогда я ничего не говорю.

– Пойдем, я за тобой поухаживаю, и мы поговорим, как ты и хотела, – умоляюще произносит он. Мидас отлично разыгрывает раскаяние, искреннее осознание своей вины.

Я могу оказать ему сопротивление. Могу плюнуть в лицо и сказать, что понимаю его намерения. Могу повернуться и выбежать из комнаты, попытаться выбраться из замка. И хотя все эти идеи звучат очень заманчиво, я сдерживаю свой порыв.

Если хочу освободиться от него – по-настоящему освободиться, – нельзя действовать импульсивно. Я, как и Мидас, должна наметить план. Потому что он никогда меня не отпустит. Не в этой жизни. Поэтому, если решусь на побег, должна вести себя разумно.

– Драгоценная? – зовет он.

У меня нет союзников, нет связей. Кто даст гарантии, что, если я даже выберусь из Рэнхолда, кто-нибудь не захватит меня в плен и не воспользуется в своих интересах? Нет, мне опостылело быть пленницей. Надоело быть собственностью.

Я должна составить план и сделать все правильно – сбежать туда, где Мидас больше меня не найдет. Я должна стать сильнее, чтобы суметь себя защитить от мира, который наверняка мной воспользуется.

Потому... я киваю. Пора мне начать свою игру.

– Хорошо.

Успокоившись, Мидас расслабляется, и волнение в его взгляде сменяется радостью. Как он, должно быть, доволен, думая, что так легко снова меня обманул.

Какой же я была душой.

Мидас ведет меня в ванную, мимо зеркала в серебряной раме и уборной, к большой железной ванне у дальней стены. Она стоит на ножках в виде когтистых лап, а бортик ее расписан. Покрытый стеклом камень вырезан в форме льва, из разинутой пасти, имитирующей рык, льется вода.

– Давай смоем с тебя грязь армии Четвертого королевства, – говорит Мидас, когда я останавливаюсь перед ванной. Она уже наполнена горячей водой, тонкий слой пузырьков покачивается на ее поверхности, как плавающие кувшинки.

– Король Рот причинял тебе боль? – спрашивает он нарочито осторожным тоном.

Да. Но не в том смысле, о котором ты думаешь.

– Нет. Он заявился буквально перед твоим приходом.

Кажется, мои слова успокаивают Мидаса.

– Мне не по душе, что этот омерзительный ублюдок находился с тобой в одной комнате.

Я с удивлением смотрю на него. Омерзительный?

Безусловно, его сила омерзительна, но сам мужчина? Нет. Ничуть. Ревингер безумно красив так же, как и в облики Рипа. Есть в нем неосознанная мужественность, которая не вписывается в этот мир. Безусловно, меня не должна удивлять оценка Мидаса. Мидас питает отвращение ко всему, что не доведено до совершенства. Наверное, он смотрит на Ревингера и, видя эти странные метки силы, которая струится под его кожей, считает, что они делают Ревингера уродливым.

Решив не отвечать, я чуть отворачиваюсь, пока Мидас занимается подносом с едой, который стоит слева от ванны на скамеечке. Я медленно начинаю раздеваться. Каждый предмет изношенный, грязный, мятый. Одежда падает на пол.

С мгновение я просто смотрю на нее. Столько всего случилось, пока я носила эту одежду. Я изменилась с тех пор, как надела ее. Это все равно что снимать доспехи, которые носила бы во время битвы. Красные бандиты, Сэйл, капитан Фейн, Рип, Мидас... все это случилось, пока я была в этом платье.

Не знаю, наблюдает ли за мной Мидас, да и мне все равно. Он множество раз видел меня обнаженной. Я скорее защищаю то, что скрывается под моей кожей. Мой разум, мое сердце, мой дух, – вот что я хотела бы скрыть от его взора.

Вздыхнув, я оставляю на полу груды одежды и ступаю в ванну. Сев, тут же чувствую, как меня обволакивает тепло, которое словно проникает до самых костей. Мои ленты скользят по дну ванны, наслаждаясь минутами этого незатейливого удовольствия.

Положив голову на изогнутый край и радуясь теплу, я издаю стон. После стольких недель умывания тряпкой, смоченной снегом, это просто блаженство. И я не позволю Мидасу испортить его своим присутствием.

Закрыв глаза, я вдыхаю аромат цветочных масел, которые добавили в воду служанки. Но вздрагиваю и резко открываю глаза, когда сзади Мидас вдруг начинает гладить меня по волосам.

– Тихо, все хорошо, Драгоценная. Я заглажу перед тобой свою вину.

– Единственный вариант загладить свою вину – больше не пытаться запереть меня в клетке, – спокойным тоном говорю я ему, сосредоточившись на пузырьках, которые плавают на поверхности.

Возможно, мне нужно ему подыграть и вести себя так, словно я снова попалась на его обаяние, но отныне я не собираюсь быть его пленницей.

Мидас мешкает, его рука замирает на моих волосах.

– Конечно, – прерывисто вздохнув, говорит он. – Конечно. Клетка была только ради твоей защиты. Но если тебе она больше не нужна, то я буду оберегать тебя без нее.

Как же красиво он идет на попятную.

На моих губах появляется легкая улыбка, и я смотрю на него через плечо. Его красивое лицо – образец благоговения, но плечи напряжены и выдают бремя его непреходящего гнева.

– Правда?

– Да, – яро отвечает он, хватаясь за мою нерешительную надежду, и тянется вниз, чтобы обхватить руками мое лицо. Пряди светлых волос падают ему на лоб. – Прости за то, как я себя вел, Драгоценная. Прости меня.

– Ты причинил мне боль, – произношу я и на сей раз говорю правду.

Сидя на скамье возле ванны, он наклоняется и прижимается щекой к моему лбу. У Мидаса холодная кожа, тогда как моя влажная от поднимающегося между нами пара.

– Я все для тебя сделаю. Я снова заслужу твое доверие и прощение.

– Ты говорил, что тебе не нужно мое прощение, – с обидой в голосе напоминаю я.

Мидас морщится, а потом протягивает руку и поднимает с пола серебряный кувшин. Окунает его в воду и начинает поливать мои волосы.

– Я не мог мыслить трезво. – Мидас закатывает рукава и подвигает ко мне поднос с едой. После начинает мыть мои жирные спутанные волосы. – Я не жду, что ты тут же меня простишь, но вел себя так только потому, что волновался за тебя.

Я верю, что Мидас привязан ко мне по-своему ненормально. Но в этой привязанности нет ничего здорового, и ее мало. Я достойна не этого. Вряд ли я вообще когда-нибудь обрету ту любовь, которую желаю.

От этой мысли перед глазами появляется пелена, и я смотрю в потолок, устремив взгляд на покрытое инеем окошко наверху стены. Скорбь липнет ко мне, как покрытая пузырьками вода к коже.

Когда печаль пересиливает гнев, я начинаю задаваться вопросом: что со мной не так? Почему Мидас не может меня любить? Любить искренне.

Мидас любит мою мерцающую кожу, мои блестящие волосы. Он, бесспорно, влюблен в мою силу. Я подарила ему свое сердце и была слишком юна, слишком глупа, чтобы увидеть, что он поклонялся не мне, а моему золоту.

Наверное, я в каком-то смысле ущербная. Недостойная.

Или, возможно, так мне было уготовано судьбой. Возможно, мне позволено иметь только это. Женщина, в силах которой превратить весь мир в золото, должна усмирить свою же алчность.

Быть может, любовь – цена за мою силу.

Мои мысли чахнут, и где-то глубоко я чувствую угрызения совести, переполняющие чашу моих весов. Мидас продолжает мыть мои волосы, разговаривая спокойным тоном. Он рассказывает, как сильно по мне скучал, чем занимался в Пятом королевстве после нашей разлуки, сколько нам предстоит трудов теперь, когда мы снова вместе.

Я позволяю ему говорить, а он позволяет мне молчать. Еду я использую как предлог не поддерживать диалог. Я съедаю все, что лежит на подносе, даже не распробовав, потому что слишком занята своими размышлениями. Ничего не могу с собой поделать и вспоминаю, как он ухаживал за мной в последний раз, купал – сразу после нападения короля Фулька.

Моя рука невольно поднимается к горлу, пальцы обводят небольшой шрам, который остался в этом месте. В действительности той ночью меня спас не Мидас. Это был Дигби, и его я тоже потеряла.

В каком-то смысле у меня отняли всех, кого я любила. Даже Мидаса, а ведь он сидит совсем рядом.

Вымывшись, ополоснувшись и доев остатки, я вылезаю из ванны и надеваю новую ночную рубашку. Она из толстого белого хлопка, подол ниспадает к стопам, рукава широкие и заканчиваются у кончиков пальцев рук. Ленты выжимают себя сами, а потом медленно свисают со спины.

– Ну вот, – шепчет Мидас, оглядев меня с головы до ног. – Ты снова блестяшь как новенькая.

Я отвечаю ему натянутой улыбкой. Тело, как и мой дух, устало, и сейчас я хочу только оказаться подальше от Мидаса.

– Мне нужно поспать.

Он тут же кивает.

– Служанки подготовили комнату напротив моей, – говорит он. – Можешь остаться там. В своем собственном... уголке.

В удивлении я настороженно поворачиваюсь к Мидасу лицом.

– В своей комнате? Без решетки?

Он заправляет мне за ухо влажную прядь.

– Без решетки. Только твоя комната, где ты сможешь отдохнуть и быть в безопасности, – тихо говорит Мидас. – Я говорил всерьез. Я был неправ и хочу загладить свою вину, Аурен. А теперь пойдем. Ты наверняка устала.

Я не противлюсь, когда Мидас берет меня за руку и выводит из своих покоев в коридор. Кивнув паре стражников, он открывает дверь напротив. Я захожу вместе с ним и оглядываю темную комнату, где в слабом лунном свете увидеть могу только мягкую постель.

Отпустив мою руку, Мидас подходит к стене и задергивает занавески, а я ложусь. У меня едва хватает сил, чтобы откинуть одеяло и устроиться на мягком матраце.

Я застываю, почувствовав, как прогибается кровать, когда рядом ложится Мидас. Не мешкая, он притягивает меня к себе и устраивает мою голову на своей груди. Я лежу как глыба льда, не собирающаяся таять и желающая улизнуть.

– Расслабься, Аурен, – приказывает он. – Теперь отдыхай. Я останусь с тобой, пока не уснешь.

Я чудом не фыркаю. Это так же отратно, как если бы мне сказали, что под кроватью чудовище, вот только сейчас чудовище лежит рядом со мной.

Но усталость побеждает упрямство.

Мало-помалу я обмякаю в его объятиях. Однако, когда Мидас начинает ласково гладить мою руку, я крепко поджимаю губы. Меня охватывают ненависть и печаль, но я пытаюсь унять чувства, которые разрастаются во мне как кучное облако.

Хладнокровной. Мне нужно быть хладнокровной. Бесчувственной, безучастной, прячущейся за толстой стеной, за которой он больше не сможет на меня повлиять.

– Моя драгоценная девочка, – звучит в темноте шепот, вкрадчивая речь, слетающая с его находящихся в тени губ.

Ненавижу, что он так в этом хорош. Не хочу, чтобы он обнимал меня, и вместе с тем я так долго этого хотела, и ему об этом известно. Вот почему по моей щеке медленно стекает холодная слеза и падает на его тунику, когда он гладит меня по голове.

– Я люблю тебя, Аурен.

Лжец.

Какой фальшивый, вероломный, изворотливый лжец.

– Я скучал по этому, – зевая, говорит Мидас. Возможно, тут он отчасти говорит правду, а возможно, это очередная уловка, чтобы ослабить мою бдительность.

Как бы там ни было, я дарю себе это мгновение. Только его. Ради невинной девушки, потерявшей любовь, которая у нее как будто была, я позволяю ей получить этот миг. Потому что это... ее тихое прощание.

Под моим гневом и бесчувственностью измельченные осколки разбитого сердца. И эта наивная девушка, сходявшая от любви с ума, скорбит под горькой злобой.

Поэтому ради нее я выпускаю громкий вздох. Потом в последний раз прижимаюсь ухом к груди Мидаса, чтобы услышать песню, которая играла только для меня, как мне тогда казалось.

Я направляю внимание на уверенном ритме, и по щеке стекает еще одна слеза, когда он гладит меня по волосам, потому что я слышу не любовь. Это всего лишь властная одержимость. Она такая громкая, что поверить не могу, как я не услышала ее раньше.

– Ты вернулась туда, где тебе место, – заявляет Мидас.

Я закрываю глаза, мокрые ресницы касаются кожи, как капли росы.

Если бы мы сдвинулись, если бы его голова была прижата к моей груди, он бы услышал? Услышал бы Мидас звук моего сердца и понял бы, что он значит? Узнал бы лирическое отвлечение?

Я засыпаю, слушая неустанное биение в своей и его груди, слушая два звучащих вразнобой мотива, которые никогда не сочетались гармонией. Такт за тактом я позволяю этой девушке в себе отдалиться, попрощаться таким тихим способом.

Проснувшись, я удостоверюсь, что мое сердце стало жестче. С наступлением утра я удостоверюсь, что оно играет песню только для меня.

Глава 4

Царь Мидас

Сидя в выкованной из железа беседке, я погружен в свои мысли и отрешенно наблюдаю за работающими мужчинами во внутреннем дворе. Я нахожу прохладный воздух Пятого королевства бодрящим и идеально прочищающим голову своей колкостью.

Скамья, на которой я расположился, обита кожей, наполнена соломой и когда-то, вероятно, была удобной, но уже давно просела.

Рядом лежит моя записная книга, смотрящая на меня и гипнотизирующая, словно два глаза. Внутри все мои заметки, все мои намерения – то, что нужно претворить в жизнь. Несмотря на то, что я всегда ношу книгу с собой, пометки сделаны шифром, который использую только я. Людям нельзя доверять, так что излишняя осторожность никогда не мешает, да и у меня очень многое поставлено на карту.

Необходимость управлять не одним королевством, а двумя, – тяжелая ноша. Все, что я должен сделать, становится бесконечным бременем, от которого в голове непрерывно гудит в часы бодрствования.

Теперь, когда Аурен вернулась ко мне, я могу более основательно заняться Рэнхолдом. За ним необходимо приглядывать.

Мне довольно легко удалось отсрочить жалобы, но я знаю, что долго это не продлится. Для передачи власти я привез с собой достаточно золота, но люди начинают возмущаться. По замку проходят волны недовольства. Люди задаются вопросом, почему Золотой царь до сих пор ничего не превратил в золото. Отговорки, что я отдаю дань уважения Рэнхолду, предоставляя время оплакать погибшего короля, иссякают, как и мой запас золота.

Мне нужно, чтобы Аурен вернулась к работе. И вместе с тем нужно обращаться с ней так же мягко, как я руковожу здешней политикой. Одновременно я связываю десятки ниточек, и все это требует сосредоточенности и хитроумия.

Поэтому я частенько прихожу в эту беседку, где холод жалит так сильно, что невольно заставляет собраться с мыслями.

Под непрерывный стук молотка я обвожу взглядом скульптуры. Во внутреннем дворе их много. Замысловато вырезанные глыбы льда стоят на каменных постаментах через каждые несколько метров.

Отсюда видно, как одна из них становится ивой, а другая – тимбервингом с пастью, открытой в свирепом рыке. Рядом чувственная богиня, простирающая к небу руки; с ее тела в форме песочных часов ниспадает платье. Все до единой скульптуры удивительно детализированы, некоторые такие высокие, что мастерам для работы над ними нужны лестницы.

С помощью стамесок, молоточков и тряпок для шлифовки мужчины кропотливо работают над каждым изваянием, доводя их до безупречности. Скульпторы неустанно трудятся, создавая новые резные фигуры или сохраняя в первозданном виде то, что уже успели доделать.

Вижу, как им не по себе от того, что я за ними наблюдаю, но они показательно отворачиваются, продолжая неумоимо работать. Я уже готов снова достать книгу, когда появляется новый работник в фиолетовой форме, как и у остальных.

Я тут же перевожу на него взгляд и начинаю моргать, понимая, что его образ и внешний вид отличаются от остальных.

Вокруг его талии повязана сумка с ремесленными инструментами, он подходит к скульптуре стоящего на острие меча и начинает шлифовать ее тряпкой, смахивая скопившийся снег.

Мужчина лысый, и на его макушке видны четыре отчетливые морщины, напоминающие полосы тигра. У него грубый подбородок, а за белой бородой, возможно, скрывается язвительная улыбка, но я сижу слишком далеко, поэтому не могу увидеть, так ли это.

Оглядев свое творение, он роется в поясе с инструментами и, вытащив пару очков, надевает их на нос. При виде этой картины у меня вырывается свистящее шипение.

Он похож на моего отца.

Безусловно, это не он. Нет, если только отец не заключил сделку с богами и не восстал из мертвых. Но борода, лысина, загорелая кожа, проклятые богами очки, даже крепкая хватка, с которой он держит молоток, – все это очень напоминает того, кто способствовал моему появлению на свет.

Силен Мидас.

Для всех – Сил, для меня – отец, хотя «отец» – это слишком громко сказано. Он был обычным деревенским пьяницей, который иногда каким-то чудом покидал дом и, шатаясь из стороны в сторону, шел в город, чтобы там заняться плотницкими работами.

Что до меня, то я был всего лишь внебрачным ребенком, которого он презирал. Он ненавидел тот факт, что ему приходилось жертвовать деньги на еду и одежду для меня, тогда как он предпочел бы потратить их на эль.

Не знаю, то ли ненависть была заложена во мне природой, то ли ее взрастил отец, но это чувство было обоюдным. Я никогда не знал своей матери, но ее тоже презирал.

Скорее всего, она была легкомысленной особой. Блудницей, которая однажды ночью перепила и оказалась в постели Сила, а спустя девять месяцев произвела меня на свет.

Сразу после моего рождения она бросила меня на пороге отцовского дома с кувшином вина и шестью золотыми монетами и больше не возвращалась. Сил то ли не сумел ее отыскать, то ли попросту не захотел утруждать себя этим действием.

Не знаю, что я ненавидел в нем сильнее всего. Его лень, пьянство или склонность избивать меня до полусмерти.

Наверное, все же больше всего я ненавидел то, что для деревенских жителей он был тем еще посмешищем. Куда бы он ни направился, в спину ему всегда летели презрительные ухмылки, насмешки и жалостливые взгляды.

Со мной обращались точно так же. Я был никем. Всего лишь ублюдком подлого пьяницы, слишком бедным, чтобы даже заработать два медяка, и тем, кому никогда не избежать жалкого подобия жизни.

Вот почему, достигнув совершеннолетия по меркам Ореи, я украл кувшин вина, насмешливо воздавая должное матери, и оставил Сила в грязной постели в нашей крошечной, разваливающейся хижине.

Довольно быстро он напился до помрачения сознания. Мне потребовалось еще меньше времени, чтобы разжечь искру и спалить этот запущенный сарай. В Первом королевстве всегда было сухо.

– Сир?

Я отвожу взгляд от скульптора и вижу стоящего у железных перил беседки своего главного советника.

– Что, Одо? – спрашиваю я и, взяв книгу, засовываю ее обратно во внутренний карман жилета.

– Мой царь, у нас проблема.

Я шурюсь.

– Принц Нивен?

Сын Фулька – плаксивый маленький кретин, который оказался тем еще упрямым. Очередной деликатный вопрос, который мне предстояло разрешить осторожно.

– Проблема не в принце, – говорит Одо, сконфуженно переминаясь и шныряя взглядом, дабы убедиться, что никто не слышит. Помимо скульпторов, у входа в замок стоят шестеро стражников, которым было приказано меня дожидаться.

– Тогда в чем? – спрашиваю я, в моем голосе слышно раздражение от того, что меня прервали.

– В вашей супруге, сир.

Мои плечи напрягаются.

– Хм, наконец-то получили послание?

– Да, но не от нее.

Я испепеляю его взглядом, дожидаясь пояснений.

Одо наклоняется и опирается рукой о перила, чтобы его слова никто не услышал. Даже у ледяных скульптур в Пятом королевстве есть уши.

– Видимо, связь приостановилась не из-за шторма, настигшего Хайбелл. Царица намеренно перестала принимать и отсылать послания в замке. Все почтовые ястребы, которых мы отправили, наконец-то вернулись, но без писем.

Я выпрямляюсь и снова поворачиваюсь, задумчиво постукивая пальцем по бедру.

– Что задумала Малина? – бормочу себе под нос. Я не сильно удивлен, узнав, что она что-то замышляет после того, как пыталась выступить против моей двойной игры с Фульком, но меня поистине удивляет ее дерзость.

Одо продолжает:

– Ваши шпионы в Хайбелле утверждают, что царица появилась в городе. Она раздавала людям дары, однако я слышал, что возникла некоторая проблема с недовольными.

– Она направилась в город, чтобы раздать милостыню? – с сомнением переспрашиваю я. Малина никогда бы не заинтересовалась жителями Хайбелла, если только это не имело какую-то определенную цель.

Когда один из скульпторов поворачивается на звук моего голоса, я встаю и выхожу из беседки. Одо торопится догнать меня, пока я иду по каменной дорожке, не обращая внимания на стражников у двери.

– Еще среди дворян Хайбелла ходили некоторые толки, – продолжает Одо, когда мы минуем широкий вход во дворец. Мои шаги приглушает длинная пурпурная дорожка. Через окно в форме десятиконечной звезды, обрамленное деревянными арками на потолке, проникает яркий свет, падающий на стеклянные и каменные стены.

– О чем? – спрашиваю я и резко поворачиваю к лестничному пролету, направляясь в свои покои. Пока я остаюсь в гостевом крыле. Для виду, ведь тело Фулька еще не успело остыть, а Нивен жив. Пока.

Одо задышется, пытаясь подстроиться под мой быстрый подъем по лестнице.

– Что царица... ну, она носит белые цвета, сир.

Я резко останавливаюсь и, круто развернувшись, хмуро смотрю на него.

– Что?

Одо хватается за перила и, пытаясь отдышаться, выпаливает на одном дыхании:

– Ваше Величество, на людях она не носит золото. Ни одно из золотых одеяний. Ни одну из корон, которые вы позолотили, даже ее царские стражники сменили доспехи. Я получил подтверждение из нескольких источников.

С досады я скрежещу зубами. Так Малина вздумала, что может испытывать мое терпение? Она отказывается носить на только цвет: золото – это признание моей силы и царской власти. Это не простая смена гардероба. Это заявление.

– Мой царь, как велите мне поступить?

Мгновение я раздумываю, а потом отвечаю:

– Пока ничего не делай. Хочу, чтобы все отчеты поступали сразу ко мне. Утром я приму решение, как с ней поступить.

– Слушаюсь, Ваше Величество. Также остается вопрос о ходатайствах на золото. С каждым днем мы получаем их все больше.

– Напомни нашим просителям, что королевство еще в трауре. Мне нет нужды красоваться своей силой, когда они только что потеряли своего правителя, – с суровым укором отвечаю я. – Я оплачу любые долги этого королевства. Что касается желающих набить карманы дворян, выдай им пока деньги.

– Мой повелитель, они кончились.

Я столбенею.

– Кончились?! Все, что мы привезли?

Одо пытается побороть дрожь, но ему это плохо удается.

– Запросов поступало довольно много. Все хотели получить символ вашей силы. Все золотые побрякушки, что мы привезли, тоже почти кончились.

Я с такой силой скрежещу зубами, что моя челюсть издает хруст. Время у меня на исходе. Если вскоре я не устрою демонстрацию своей силы, то моя власть может ослабнуть, а этого нельзя допускать.

Я поворачиваюсь и снова иду по лестнице, но мой докучливый советник следует за мной до моих личных покоев. С мрачными лицами стражники жмутся к стене и расступаются, когда я вхожу в комнату.

– Сир, есть еще одно препятствие, – закрыв за нами дверь, тихо говорит Одо и нервно заламывает руки, покрытые пятнами.

У меня вырывается резкий вздох.

– А теперь что? – Я должен прочитать отчеты о том, что происходило в Хайбелле с моего отъезда. Я должен урезонить свою холодную жену.

А узнав подробности, смогу составить план. После этого проведу Аурен. Она проспала два дня кряду, явно утомившись от того, что ей пришлось вынести в плену армии Четвертого королевства. Я не оставил ее, а после отправил все, что только могло ее утешить. Самые нежные шелка, самые мягкие подушки. Я засыпал ее книгами и духами, даже нашел для нее совершенно новую арфу.

Надеюсь, как только Аурен отдохнет, то снова почувствует себя собой. Мне нужно, чтобы она оправилась, поскольку больше не могу медлить с перестройкой замка и заполнением казны.

Моя хлипкая власть над Рэнхолдом зависит от того, насколько быстро я наполню карманы дворян золотом, напомнив им, кто я такой и почему им выгодно положительно относиться к моему присутствию здесь. Я уже поступал так однажды – в Хайбелле, поэтому знаю, как захватывается власть в королевстве. Вначале вы щедро раздаете богатство, очаровываете знать и советников дарами, блестяще проявляете себя перед простолюдинами. А после малопомалу закручиваете гайки, держа народ в подчинении и зависимости, чтобы они сражались за благосклонность правителя и могли пожинать ее плоды.

Когда я закончу, не будет споров, кого они захотят оставить в качестве правителя. Меня, в чьих силах сделать их королевство ослепительно богатым, или ограниченного сына почившего короля.

– Как вы знаете, сразу же по возвращении лекарь осмотрел наложниц по вашему указанию, – сообщает Одо.

Я приподнимаю бровь.

– И?

– Лекарь только что подтвердил это и тут же известил меня. – Советник нервно приглаживает кольцо седых волос на затылке. – Похоже, одна из них ждет ребенка.

Я застываю на месте.

Все мысли улечиваются из головы, а от его слов по спине бежит холодок. Секунду спустя я бросаюсь вперед и хватаю его за воротник золотой рубашки.

– Что ты несешь?

Мутно-голубые глаза Одо округляются, все его тело каменеет, когда я рывком поднимаю его на цыпочки.

– О-она заявляет, что ребенок ваш, Ваше Величество, – спешно шепчет он.

Бастард...

Я резко отпускаю Одо, и он, споткнувшись, хватается за стену.

– Шлюха явно врет. Она хочет выудить у меня золото или привлечь внимание. Одо, ей что-то нужно – только и всего. Мои наложницы принимают травы. Они ни разу не подводили.

– Да, сир, в прошлом не подводили, но лекарь подтвердил...

Я резко взмахиваю рукой в воздухе, отчего он вздрагивает.

– Значит, она трахалась с другим. Она была с армией Четвертого королевства, а до них с этими проклятыми снежными пиратами, – напоминаю я. – Выгони ее незамедлительно из моего гарема. Я не потерплю неверную наложницу.

Одо проводит дрожащей рукой по измятому переду рубашки и смотрит на то, как я начинаю расхаживать по комнате.

– Лекарь тоже не верил в ее заявление, вот почему ему понадобилось времени больше обычного, чтобы меня известить. Он хотел удостовериться, но считает, что наложница примерно на третьем месяце, а это значит, что она понесла еще в Хайбелле.

Мысли кружат, кровь в голове стучит как молоток скульптора, скребет по моему черепу долотом, пока он не начинает раскалываться. Мне не по душе такие неожиданности.

Моих наложниц охраняли примерно так же, как Аурен. Я с особой строгостью менял стражников. Никто из них не осмелился бы пробраться в гарем и переспать с моими наложницами. На всякий случай беру себе на заметку сменить и стражу.

Если лекарь точен насчет сроков, если ребенок действительно от меня...

– Кому-то еще об этом известно?

– Никому, – заверяет Одо. – Лекарь явился сразу же ко мне, Ваше Величество.

Я отрешенно киваю.

Одо нервно теребит руки, наблюдая за мной.

– Могу я еще чем-нибудь быть полезен?

– Пока нет, – говорю я. – Ты свободен.

Мужчина быстро откланивается и поспешно сбегает, вне сомнения, радуясь, что может уйти.

Оставшись один, я подхожу к столу и, опершись на него, смотрю на аккуратно сложенные бумаги, хотя на самом деле ничего не вижу. Я строю планы, как моряк, составляющий карту звездного неба.

Я сжимаю пальцами дерево, от раздражения сводит костяшки. Малина, Аурен, та шлюха – все мои проблемы из-за проклятых богами женщин. Вот почему им нельзя доверять. Этому меня научила мать.

Я занят важным делом и не могу позволить, чтобы что-то сбило меня с пути.

Это я вытащил Хайбелл из долгов и сделал его символом блестящего богатства и процветания. А теперь Малина осмеливается испытывать мое терпение? Она всего лишь озлобленная, ни на что не годная женщина, которая даже не может подарить мне наследника. Ей повезло, что я вообще на ней женился и позволил сохранить корону.

Меня охватывают воспоминания: о моем отце, о деревенских детях, которые надо мной насмехались, церковном приходе, из которого меня вышвыривали за то, что я неряшлив, о лавочниках, шепчущих вслед: «Ублюдок».

Вот какую благодарность я получаю после стольких лет исполнения своего долга и попыток обрюхатить эту бесчувственную рыбу.

Я знал, что Малина была бесплодна.

А теперь я обрюхатил наложницу. Снова и снова я скрежещу зубами.

И все же, когда разум осмысливает все нити, я вижу, как можно сплести новые узлы. Узлы, которые помогут мне укрепить свою власть.

Ребенок может дать могущество. В конце концов, ничто не укрепляет любовь народа к королевской семье сильнее, чем ребенок. Он может помочь укрепить мою власть даже здесь. Жаль, что это всего лишь чертов ублюдок.

Опустив руки, я выпрямляюсь с улыбкой на губах.

Нет, мне действительно нужен наследник.

Глава 5

Аурен

Проснувшись, я вздрагиваю и в тревоге резко сажусь.

На какой-то миг я не понимаю, где нахожусь. Надо мной нет ни черной палатки, ни перебивающегося золотого потолка. Вместо того я смотрю на ткань бледно-лилового цвета, перекинутую на четыре столбика незнакомой кровати, в которой я лежу.

Воспоминания захлестывают меня. Где я, с кем была. Благо здесь холодно, а тишина в комнате свидетельствует о том, что я одна. Единственное доказательство, что сюда кто-то приходил, – тихое потрескивание пламени, разожженного в другом конце комнаты.

После общества солдат Четвертого королевства тихая уединенная комната почти пугает. Я привыкла к ровному дыханию Рипа, спящего на паллете. Ужилась с запахом мокрой кожи и углей, тлеющих между нами.

Я оглядываю богато обставленную комнату и останавливаю взгляд на подушке, где спал Мидас, но все равно вижу только темный силуэт Рипа, лежащего в другом конце палатки, вижу свет его чернильных глаз.

Тру рукой грудь, потому что боль на сердце никоим образом не связана с Мидасом. Пытаюсь убедить себя, что дыхание не перехватывает от вкуса предательства, а эта боль не связана с мужчиной с корнями вдоль подбородка и незнакомыми зелеными глазами.

– Забудь его, – шепчу я себе.

Разобраться с Мидасом. Забыть про Ревингера. Вот как я должна поступить.

Тяжко вздохнув, я успокаиваюсь, силком запикиваю все свои чувства в небольшую коробочку и захлопываю крышку. Меня ничто не должно отвлекать. Я обязана собрать воедино осколки своего обливающегося кровью сердца, потому что у меня есть планы.

Я охаю, отводя назад затекшие плечи, а в плечах щелкает, когда вытягиваю руки над головой. Ведать не ведаю, сколько я проспала, но сквозь толстые занавески, закрывающие стеклянные балконные двери, пробивается свет.

Я откидываю золотые одеяла и встаю, но стоит мне ступить босыми ногами на ковер, как они тут же намокают, а белый цвет в мгновение ока окрашивается золотом. Я должна была надеть перед сном носки, но теперь это, видимо, не имеет значения. Есть одна выгода быть с Мидасом – признаки моей силы ассоциируются с ним, потому мне нет необходимости ее скрывать.

Я жутко устала и ослабла, но, к счастью, у меня есть необходимые навыки контролировать свою своевольную магию, и ковер не превращается в чистое золото. Увидев пару стоящих рядом тапочек, я надеваю их и иду искать одежду.

Когда ступаю в гардеробную, меня встречает унылый солнечный свет, кожу легонько покалывает, когда я прохожу под слабыми лучами света. Меня окружает новый гардероб, здесь висят десятки платьев всевозможных фиолетовых оттенков.

Я выбираю наряд с низкой спинкой, чтобы можно было расправить ленты. Как только я к нему прикасаюсь, с моих ладоней сочится золото и впитывается в бархатную ткань так же, как чернила – в бумагу.

Я выхватываю из комода пару перчаток и толстые чулки из овечьей шерсти, но не могу найти ни одной сорочки под платье. Зато вижу ворох кружевных оборок. Нахмурившись, беру одну пару и тут же понимаю, что это, судя по всему, нижнее белье.

– Ну, вряд ли его можно назвать удобным, – бормочу я себе под нос. Но выбора у меня нет, если только я не хочу ходить под платьем обнаженной.

Смиренно вздохнув, я снимаю ночную рубашку и надеваю эти ничтожные лоскутки. Подхожу к зеркалу, поворачиваюсь, чтобы осмотреть себя, и брови ползут на лоб. Я люблю тем, как изящное кружево прилегает к моим формам.

– Ну, светлая сторона в том, что задница в этом у меня выглядит восхитительно.

К счастью, чулки такие мягкие, что кружево почти не колет, потому белье кажется не таким неудобным, как я подумала вначале. А вот с платьем совсем другое дело.

Видимо, женщинам в Пятом королевстве не нужно дышать, потому что в корсаж платья вставлены толстые косточки. Он так туго сжимает, что я запыхалась, только пока натягивала эту чертову вещь.

Я осматриваю другие платья, рассчитывая переодеться, но они все одинаковые. Глядя на корсаж, который приподнимает грудь к шее и держит мои ребра в плену, я действую спонтанно. Ленты ползут вперед и поочередно ломают косточки в корсаже, давая мне необходимое количество воздуха, чтобы я могла вдохнуть полной грудью.

Я снова смотрю в зеркало на изломанный корсаж с очертаниями нескладно выступающих косточек и улыбаюсь.

– Намного лучше, – кивнув, говорю я.

Надеваю туфли и перчатки, а ленты принимаются за волосы, заплетая их в несколько кос, которые я закалываю наверху. Решив не прятать полностью свои ленты, я оборачиваю их вокруг бедер подобно ремню, укоротив длину настолько, чтобы они не волочились по полу. Вот теперь я готова.

Для всех я, наверное, кажусь такой же, как прежде. Все той же позолоченной наложницей, фавориткой.

Но если приглядеться повнимательнее, то можно увидеть в моих глазах блеск. Можно заметить изгиб опущенных губ, который намекает на недовольство, скрывающееся в уголках рта.

Вернувшись в спальню, я иду напрямик к двери и рывком ее распахиваю. Уверенно выхожу, и по спине пробегает легкая дрожь.

Стоящие на дозоре стражники так удивлены моим внезапным появлением, что двое подсакивают ко мне, а другие четверо недоуменно смотрят, как я начинаю идти по коридору.

– Э-э-э...

Вслед мне раздается бормотание.

И недвусмысленный шепот:

– А ей можно выходить?

– Не знаю... Можно?

– Чего ты на меня-то смотришь?

– Миледи? – зовет один из стражников.

Я поворачиваюсь с милой улыбкой на губах и оглядываю шестерых взирающих на меня мужчин.

– Да?

У стражника, который меня окликнул, короткие светло-каштановые волосы и густые бакенбарды.

– Прошу прощения, миледи, но вы не должны покидать свои покои.

Я смеряю его взглядом.

– Неужели?

Все шестеро стражников переглядываются, и я вижу их неуверенность так же четко, как свое отражение в их блестящих нагрудных доспехах.

– Э-э-э, да? – нерешительно отвечает он. – Вы проспали почти три дня. Возможно, вам стоит... отдохнуть?

Я теряю дар речи. Три дня?!

Наклонив голову, говорю:

– Но если я проспала почти три дня, тогда похоже, что вдоволь отдохнула. Как тебя зовут?

Мужчина краснеет, словно я задала ему неприличный вопрос. Возможно, так и есть, ведь им наверняка запретили со мной разговаривать. Он прочищает горло.

– Скофилд, миледи.

– Скофилд, я пленница? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня круглыми глазами.

– Нет. Конечно, нет.

– Хорошо. Рада, что с этим мы разобрались, – произношу я, весело улыбаясь. – А теперь прошу меня простить.

Я поворачиваюсь и поспешно ухожу, а стражники в недоумении замолкают. Один чертыхается, а после между ними вспыхивает приглушенный спор, слишком тихий и торопливый, чтобы я услышала. Спустя несколько секунд за моей спиной раздается тяжелая поступь двух стражей.

Подойдя к лестнице, оглядываюсь.

– Жребий выпал вам двоим, да?

Я не удивлена, увидев среди них Скофилда.

– Миледи, мне ничего не известно о жребии, но я единственный здесь, кто раньше нес службу в Хайбелле и охранял вас. Потому остальные... э-э-э, предложили мне остаться с вами. А Лоу служил королю Фульку и отлично знает этот замок.

Я перевожу взгляд на низкорослого рыжеволосого Лоу, которого явно не прельщает идея меня сопровождать.

– Прекрасно, значит, вы сможете показать замок.

– Показать? – говорит Лоу, словно ему неприятна сама эта мысль.

– Я впервые в Рэнхолде и хотела бы его осмотреть. Давайте для начала пройдем на кухни.

– Миледи, если вам хочется только еды, то мы, безусловно, попросим слуг что-нибудь принести наверх? – с надеждой спрашивает Лоу.

Скофилд с энтузиазмом подхватывает его предложение:

– Да, мы можем прислать вам все, что угодно. Вовсе нет нужды идти для этого на кухни.

– О, я иду туда не за едой. Просто хочу немного пройтись, – рассеянно говорю я и, остановившись перед лестничным пролетом, поворачиваюсь. – А теперь я хотела бы установить для вас всего одно правило. И это дело жизни и смерти. – Серьезность моего тона вынуждает их остановиться. – Никому из вас нельзя меня касаться. Никогда.

Они забавно таращат глаза. Наверное, я смотрю на них немного пугающе, но надо убедиться, что они поняли, ведь от этого зависит их жизнь.

Пока что мне везло, что днем никто не притронулся к моей коже, и я должна приложить все силы, чтобы так и продолжалось. Мидас и без того установил прецедент, запрещающий вообще ко мне прикасаться, поэтому мне просто нужно донести это правило до стражников.

– Даже если на меня будет лететь карета или в супнице окажется гадюка, или если вы просто захотите предложить мне руку, чтобы помочь спуститься по разбитой лестнице, – продолжаю я. – Никогда, ни при каких обстоятельствах вам нельзя ко мне прикасаться. Царь Мидас без промедления убьет вас, даже если намерения были самыми благородными. Вы меня понимаете?

Лоу нервно сглатывает, словно его еще меньше, чем раньше, прельщает мысль сопровождать меня. Скофилд настороженно кивает.

– Миледи, я знаю правила. Царь растолковал их предельно ясно. – Он отводит взгляд и бурчит: – Возможно, не так красноречиво, как вы, но...

Я еле сдерживаюсь, чтобы не хмыкнуть.

– Вот и хорошо. Тогда просто постарайтесь следовать этим правилам. – Я вздыхаю и оглядываюсь. – А теперь скажете, в какой стороне кухни?

– Налево, – отвечает Лоу.

Я тотчас поворачиваюсь и иду в указанном направлении. По пути оглядываюсь и рассматриваю вышитую в коврах эмблему в виде зазубренных сосуллек. Пальцы в перчатках так и тянутся пройти по каменным стенам, обрамленным стеклом, но я держу их по бокам. Меня передергивает от того, что стены напоминают лед, и впечатление усиливает ощущаемая прохлада, которая словно липнет к низким потолкам и трещинкам в каждом углу.

– Король Ревингер живет на этом этаже? – с любопытством спрашиваю я. И только произношу вслух этот вопрос, как с сожалением прикусываю язык. На этом он этаже или на тысячу ниже – это не должно иметь значения и интересоваться меня.

Мне и неинтересно.

– Полагаю, он в другом крыле, миледи, – отвечает Скофилд.

Из горла вырывается равнодушный звук, и я чопорно киваю. Забудь о нем, почти шикаю я на себя.

На следующем этаже мы проходим мимо служанки, которая при виде меня прирастает к месту, вытаращив глаза. Она жмет к стене так, словно волнуется, что я споткнусь и упаду на нее, а Мидас ее за это покарает. Такой вариант событий несильно далек от реальности.

Я приветливо машу ей, но, заметив в ее руках грудку тряпок, останавливаюсь.

– Можно мне?

Она растерянно смотрит на меня.

– Что?

– Тряпки. Могу я взять одну?

На ее лице появляется изумление, а потом она находится с ответом.

– Конечно, миледи. Берите, сколько хотите.

– Спасибо. – Я вытаскиваю одну, сделав вид, что не заметила, как служанка отшатнулась.

Как только тряпка оказывается у меня в руке, служанка приседает в реверансе и торопливо сбегает. Я пытаюсь подавить вздох, но безуспешно. Я окончательно и бесповоротно вернулась в замок, где все контролирует Мидас. Я понимаю: лучше, если люди будут меня бояться, ведь не хочу по неосторожности еще кому-нибудь навредить, но все же было очень приятно какое-то время не испытывать подобного отношения в свой адрес. В армии Четвертого королевства никто от меня не отшатывался, не отводил глаза. С ними я чувствовала себя почти... нормальной.

Посмотрев снова на Скофилда и Лоу, замечаю, что они хмуро смотрят на тряпку в моей одетой в перчатку руке. Я быстро засовываю ее в карман.

– Вдруг из носа потечет, – неубедительно поясняю я. – Здесь... сквозняк.

Я морщусь от своего ответа, но они просто кивают, потому поворачиваюсь и продолжаю идти. Я следую указаниям Лоу, который показывает дорогу к дворцовой кухне, но, приблизившись к ней, понимаю, что смогла бы найти дорогу сама по одному только аромату.

Как только я вхожу на кухню, меня тут же окутывает запах свежеспеченного хлеба. Помещение большое, здесь столько пара и дыма, что кажется, будто идешь сквозь облако. С минуту я оглядываю кухню и замечаю, что все работники трудятся как белки в колесе.

Я не врал, сказав стражникам, что хотела бы пройти. Хочу досконально изучить Рэнхолд и потому решила, что безобиднее будет начать с кухни.

Повариха с мокрым лицом и в испачканном фартуке наконец замечает меня даже сквозь дымку и округляет глаза.

– Миледи?

– Здравствуйте, – улыбнувшись, говорю я.

Женщина подходит ко мне, а остальные работники на кухне стихают и замирают, смотря так, словно не уверены, что я настоящая.

– Вы... вам что-нибудь нужно, миледи? – с беспокойством спрашивает она и бросает взгляд на стражников.

Я окидываю взглядом застывших от потрясения работников и задаюсь вопросом: может, мое появление здесь показалось им не таким уж безобидным?

– О, я просто хотела узнать, можно ли мне какой-нибудь фрукт?

Я почти чувствую, как стоящий сзади Лоу бросает сердитый взгляд.

– Конечно, миледи.

Женщина кидается к печке и, схватив корзину яблок, подносит ее ко мне, чтобы я выбрала. Я беру самое большое.

– Вам нужно еще что-нибудь? Хлеб? Сыры? Отправить кого-нибудь за вином?..

Вино меня манит, но я качаю головой.

– Все прекрасно, спасибо. – Кивнув, я выхожу и прислушиваюсь к вспыхнувшему за спиной шепоту.

– Вы вроде говорили, что не голодны, миледи? – колко подмечает Лоу.

Я запихиваю яблоко в карман рядом с тряпкой, а потом кидаю на стражника веселый взгляд.

– Дама вправе передумать. А куда мы направимся теперь?

Стражники смотрят друг на друга, и их благоговейный страх только добавляет моей прогулке веселья.

– Нам и впрямь нужно поговорить с царем...

Я перебиваю Скофилда:

– Царь Мидас невероятно занят и меньше всего хотел бы, чтобы вы мешали ему работать. Это всего лишь осмотр замка, – говорю я и, повернувшись на пятках, снова начинаю идти. – О, как насчет библиотеки?

– Б-библиотеки, миледи? – повторяет Лоу.

– Ага, место, где хранятся исторические фолианты и какие-нибудь любовные романы. – Он нерешительно мнетяся, и я хмурюсь. – В Рэнхолде неодобрительно относятся к чтению, что ли?

– Просто... королевская библиотека закрыта для посетителей. Если вы не относитесь к членам королевской семьи, то нужно получить разрешение писарей.

Ого, в этом дворце поистине щепетильно относятся к книгам.

– Хорошо, тогда давайте получим это разрешение.

Лоу таращится на меня.

– Сейчас?

– Не будем терять время. Я не зря запихнула все эти вещи в платье, господа, – говорю я и показываю на порванный корсаж. – О, а в замке есть сад?

Еще одна долгая пауза. Бедняге Лоу, похоже, не нравится ни осмотр замка, ни книги, ни растения.

– У нас есть оранжерея, миледи.

– Прекрасно, значит, после отправимся туда.

Честное слово, я слышу, как вздыхает Лоу, отчего на губах у меня появляется ухмылка. Наверное, мне не стоило испытывать такое удовольствие, но это так.

Казалось бы, такая мелочь – прогуливаться, разговаривать с работниками в замке, делать все, что хочется и когда хочется. Почти все время, что я прожила в Орее, я не могла принимать решения самостоятельно.

С самого детства мне только и делали, что указывали, поэтому эта кроха свободы доставляет неслыханное удовольствие. От новоприобретенной бунтарской жилки я почти вприпрыжку скачу по коридорам. Я уже чувствую себя свободнее, а это только начало. Это радостное возбуждение напоминает о том, за что я должна сражаться.

Молчи. Сядь. Играй свою дурацкую музыку. Веди себя хорошо.

Те прежние приказы проигрываются в голове как заезженная песнь, которую я больше не желаю слушать. Я воспользуюсь каждым приказом, каждой манипуляцией, чтобы не дать угаснуть пылкому возмущению и усилить бдительность.

Если Мидас собирается и дальше притворяться раскаивающимся и сговорчивым, чтобы меня подчинить, то я должна остерегаться всего, что он может мне устроить. Не могу позволить, чтобы меня снова обманули или переубедили.

И потому я начинаю в деталях вспоминать каждое подавляющее правило, которое он навязывал мне все эти годы. Вспоминаю каждый раз, когда он повелевал мной, эксплуатировал, пользовался моими чувствами ради своих интриг.

Мидас долгие годы делал меня несчастной. Он лишил меня контроля.

Пришла пора его вернуть.

Глава 6

Аурен

– Миледи, а теперь вы позволите нам сопроводить вас обратно в ваши покои?

Мы идем по внутреннему двору замка, и я оглядываюсь через плечо на Лоу. Кто бы мог подумать, что подготовленные солдаты окажутся такими нытиками?

– Скоро, – заверяю его я.

Не похоже, что мои слова его утешили.

– Прошу прощения, но то же самое вы сказали после оранжереи.

– И после библиотеки, – не к месту поддакивает Скофилд.

Я закатываю глаза. Ни один из тех чертовых писарей не подошел к двери, когда я в нее постучала.

– А еще в музыкальной зале, – говорит Лоу.

– Хм, и правда.

Я неторопливо иду по двору, и подол моего платья волочится по тонкому слою рассыпчатого снега. Сегодня Лоу и Скофилд провели меня по всему замку Рэнхолд, и я даже представить не могла, что удастся столько всего осмотреть.

И хотя прошло уже несколько часов, я пока не готова возвращаться в свою комнату. Я будто пристрастилась к свободе. И с каждым ее глотком хочу еще больше. Мой дух жаждет буйства. Истосковался по странствиям. Мне хочется побывать везде, все увидеть. Впервые за долгое время Мидас не может мне приказывать.

Я чувствую себя такой свободной, когда мне не говорят, что делать. Когда я не нахожусь в плену. Когда меня никто не сдерживает. Это роскошь, которой у меня не было возможности насладиться вдоволь. Для меня, слишком долго пребывающей в теплом застое, это бальзам, прохладный и освежающий.

– Миледи, вы не взяли пальто. Вы можете простудиться, – говорит Лоу, рыжие волосы которого развеваются на ветру, когда он ретиво меня догоняет.

– Я прожила десять лет в Шестом королевстве и проделала путь через всю Пустошь, чтобы добраться сюда, – сообщаю ему я. – Со мной все будет хорошо. Здешний холод не сравнится с тем, что я уже пережила. – И это правда. Холодный воздух Пятого королевства овеивает щеки. Это приятное дуновение морозного вздоха, и я нахожу его живительным.

Я прохожу мимо нагруженных телег и смотрю, как белые птицы клюют снег в поисках невидимых крошек еды. Заметив меня, стражники и работники замка застывают прямо посреди действия, а вскоре во дворе повисает тишина. Меня преследуют чужие взгляды и шепот, свистящий как закрученные языки любопытных змей.

Я не обращаю внимания на взгляды, хоть и чувствую их затылком. А вот их бормотание заглушить сложнее.

– *Это она, фаворитка царя Мидаса.*

– *Это позолоченная наложница.*

– *Взгляните-ка на ее лицо – золото ей идет, да?*

– *Думаешь, между ног она тоже золотая?*

Я не в силах сдержать вздох. Другое королевство, а слова все те же. В этом и заключается трудность. Потому что куда бы я ни пошла, меня преследуют толки, внимание и известность. До встречи с Мидасом я была всего лишь странным существом. Но он овеял меня недоброй славой, убедился в том, что я узнаваема во всей Орее.

Мне предстоит выяснить, как с этим быть, ведь от того зависит мой побег. А пока я просто хочу насладиться свежим воздухом.

Я прохожу по квадратной площадке, со всех сторон окруженной серыми стенами замка, стертymi холодом. Каменные блоки не покрыты слоем стекла, на них нет искусной филигрании или снежинок. Эта часть замка и не должна быть красивой, а должна выполнять какую-то функцию.

За мной сарай для зерна, стены которого покрыты белой краской, слезающей в угоду ободранного дерева. Напротив него тоже клюют землю птицы, где просыпалось зерно и семена, но их прогоняет работник. Слева, с каждого угла стены, возвышаются две высоких башни, но мой интерес вызывает неприкрытая площадка.

Я направляюсь к грубой каменной лестнице у фасадной стены и приподнимаю юбки, чтобы не споткнуться.

– Миледи, вам туда нельзя, – окликает меня сзади Лоу.

– Я просто хочу посмотреть.

У этой лестницы нет перил, поэтому я стараюсь держаться ближе к стене, поднимаясь по крутым ступенькам. Они выше, чем кажутся, и у меня сбивается дыхание, хотя я даже половину не прошла.

Мои ленты немного распускаются и волочатся за мной как длинный шлейф платья. Они тянутся по серому камню как струйки золотой воды, словно тоже наслаждаются свободой. Я улыбаюсь. Прежде в жизни я никогда не думала, что они принесут мне радость.

Когда ленты выросли из моей спины, я возненавидела их за то, что они стали выделять меня еще сильнее, за то, что вызвали больше боли. Они стали еще одной деталью, которую мне приходилось скрывать.

Ты их стыдилась. Считала своей слабостью, тогда как они – сила, Аурен. Воспользуйся ими.

Сказанные Рипом слова липнут ко мне. Возможно, он и скрывал то, кем является на самом деле, но у него, несомненно, был талант заставлять меня смотреть правде в лицо. Признавать пределы допустимого и ложь, которую я принимала.

Я слишком долго ненавидела, негодовала и стыдилась себя. Я больше не хотела вынашивать такие мысли. Мысленно порвав с Мидасом, я чувствую, как поменялось что-то еще. Пора начать принимать свою сущность и то, на что я способна.

Когда я взбираюсь на самый верх высокой лестницы, ноги дрожат, но только ради высоты оно того стоило. Площадка тянется в добрую сотню футов, и отсюда открывается вид на все королевство.

Я останавливаюсь перед бойницей в стене, которая, наверное, предназначена для лучников, но он дает мне идеальную точку для обзора. Раскинувшийся внизу город образует дугу из зданий, которые окружают замой, как радуга на фоне луны.

Я стою так высоко, что вижу столицу Рэнхолда как на ладони: россыпь дорог и крыш, дома, нагроможденные друг на друга. Все вокруг усыпано снегом, и земля оттого переливается. За спиной горы с белыми шапками возвышаются как пики, указывающие на закрытое вуалью небо.

Как же красиво.

Я медленно поворачиваю голову, обводя взором город и смакуя свежий, чистый воздух, который треплет мне волосы. Но и этого мало. Слишком мало. Поэтому я поднимаю руки по обе стороны от этой маленькой выемки и подтягиваюсь.

У Лоу вырывается сдавленный удивленный взглас, а с лица Скофилда пропадают все краски.

– Миледи! Сейчас же спускайтесь!

– Она упадет! – сдавленно пищит Лоу.

– Я не упаду, – отвечаю я, встав на парапет и убедившись, что подо мной твердая опора, выпрямляюсь.

Лоу и Скофилд замирают и смотрят на меня с одинаковым ужасом на лице. Скофилд тянется вперед, словно хочет схватиться за меня, но отдергивает руку, увидев мой непримиримый взгляд.

– Миледи... – заводит он.

Я перебиваю его, снова посмотрев на город.

– Я в порядке. Дайте мне минутку полюбоваться, а потом я вернусь в свои покои на весь оставшийся день. Обещаю.

Они с Лоу замолкают, но я чувствую исходящее от них напряжение.

Наверное, глупо рисковать, стоя здесь, но иногда приходится совершать глупые поступки исключительно ради дела. Однажды я оглянусь на прошлое и вспомню, как стояла тут, в центре ледяного королевства, смотрела на простирающийся у ног холодный город и чувствовала на щеках дрожащее небо.

Здесь намного лучше, чем в клетке.

На губах играет улыбка, когда я вдыхаю легкий ветерок. Думаю, именно это ощущает птица перед тем, как расправить крылья и взлететь. Я хочу поднять руки, но, скорее всего, для моих тревожных стражников это будет чересчур, потому я держу руки по бокам, осторожно удерживая равновесие на выступающих кирпичах.

Я снова обвожу взглядом город, но мое внимание магнитом притягивает одно место вдали. Туда, где снег повредили черные вены, где прошел и протянул свою магию Ревингер.

Изломанные линии врезались в землю, как порванная бумага, края которой опалены. Даже с такого расстояния я будто бы ощущаю их тошнотворный ритм, словно они – гнилые корни, дожидаящиеся, когда создатель возложит их в землю.

Выше по холму, с которого открывается вид на город, аккуратно рядом стоят палатки войска Четвертого королевства. По непонятной мне причине сердце сжимается от этого вида.

Я веду кончиками пальцев по грубому камню. Смотрю и смотрю на эти палатки, на двигающиеся вокруг них точки, на дым, поднимающийся с горящих костров и будто обменивающийся темным рукопожатием с воздухом.

Спустя еще одну минуту я признаюсь себе в том, что чувство в груди – это тоска.

Я скучаю.

Я непроизвольно фыркаю, потому что кто бы стал скучать по странствующему лагерю вражеской армии, которая захватила тебя в плен?

И все же... они не были врагами. Не для меня. Я даже не могу утверждать, что была их пленницей, потому как, честно признаться, они спасли меня от Красных бандитов. Вообще-то, если бы все было иначе, если бы я приняла решение остаться, тогда, возможно, некоторые из тех солдат там, внизу, стали бы моими друзьями. Лу, Озрик, Джадд, Кег, Ходжат.

Рип.

Они были не теми, кого я предполагала встретить. Но по какой-то причине оказались именно теми, в ком я нуждалась.

– Миледи, я в самом деле вынужден настоять, чтобы вы сейчас же спустились, – упрашивает Скофилд.

Я отрываю взгляд, в котором появилось жжение, от этого вида и опускаю взгляд на стражника. Он так нервничает, что, судя по виду, готов обделаться прямо в свою военную форму. Принимая во внимание покрой его брюк, это наверняка принесет бедняге неудобства, потому я решаю над ним сжалиться.

Отвернувшись, я не отказываю себе в удовольствии напоследок набрать в грудь воздуха, а потом спрыгиваю на твердую землю. У обоих моих стражников вырывается заметный вдох облегчения.

– Эй! Какого хрена вы там втроем делаете? – раздается чей-то крик.

Я очень рада, что уже не стою на вершине стены, потому что инстинктивно вздрагиваю от внезапного оклика. Мы втроем смотрим на шествующего к нам солдата. На нем доспехи Рэнхолда и фиолетовый плащ, но все это не сравнится по отточенности с его сердитым взглядом.

Лоу почти до груди опускает подбородок.

– Капитан, Позолоченная Дама просто хотела полюбоваться видом.

Досада скатывается по спине, как бисеринки воды, и я пронзаю Лоу взглядом. Теперь я вдруг неожиданно-негаданно стала Позолоченной Дамой?

Мужчина останавливается перед нами и переводит на меня неумолимый взгляд.

– Она может любоваться видом из окна. На этой площадке женщинам разгуливать запрещается.

– Разумеется, капитан, – с почтением быстро произносит Лоу. – Мы тотчас же уйдем.

Возможно, я реагирую слишком остро, но меня охватывает раздражение. Почему все только и делают, что помыкают мной и указывают, что делать? Все всегда ждут, что я покоюсь, буду хорошо себя вести, и отчего-то сейчас меня это страшно раздражает. Распалает во мне затаенный гнев, и я чувствую, как распускающаяся злоба расправляет крылья, вытягивая яростные когти.

Я поняла, что клетки бывают разными. Если не хочу угодить в них, то мне предстоит борьба. Потому что мир все равно попытается держать меня на поводке, мужчины продолжают держать меня в обуздывающих тисках. Поэтому я не могу каждый раз покоряться. Не могу позволить этому подавляемому гневу и возмущению сидеть безвылазно на той жердочке.

Богини сделали меня женщиной. Война сделала меня сиротой. Мидас сделал наложницей. До сегодняшнего дня все это меня связывало. Я позволяла себя обуздывать, дергать и так и этак. Но я по горло сыта тем, что с каждым рывком поводьев это глодаю.

Вот почему я упрямо смотрю капитану в глаза и произношу:

– Мы еще не уходим. Я уйду, когда буду готова.

Жесткости в моем голосе достаточно, чтобы мужчины с неверием посмотрели на меня. Они не рассчитывали, что я осмелюсь их ослушаться. Им необязательно произносить это вслух, поскольку я все вижу в их глазах.

Капитан первым приходит в себя и испепеляет меня таких едким взглядом, что я удивлена, как с его лица не слезает кожа.

– Мадам, вы уйдете сию же минуту. Вход на стену разрешен только солдатам, не женщинам, и, если говорить начистоту, вам тут не рады.

Мне не рады здесь, на этой стене, или во всем Пятом королевстве?

Я бегло оглядываюсь.

– Капитан, неужели мы стоим так высоко, что у вас улетучились все хорошие манеры?

У него такое каменное выражение лица, что могло бы посоперничать с кирпичами, на которых мы стоим.

– Может, в Шестом царстве вы и золотая девица, но здесь вы всего лишь женщина, которая без разрешения стоит на моей стене. Вам нужно уйти, – говорит он голосом таким же суровым, как и его взгляд. – Вы же не хотите пораниться, не так ли?

Во мне поднимается гнев, как взъерошенное оперение.

– Вы мне угрожаете?

– Вы не первый нарушитель, который упал со стены.

Я потрясенно смотрю на мужчину. Его слова звучат безобидно, но взгляд намекает на что-то более зловещее.

Мое разворачивающееся недовольство превращается в настоящий гнев, охвативший меня, и в нем звучит вызов мрачной песни. *Пусть это будет угрозой.*

– Упал? Или его сопровождал за край высокомерный капитан стены? – бросаю я в ответ.

Я чувствую, как вытягиваются в струнку рядом стоящие стражники, чувствую, как между нами четырьмя повисает напряжение. Но смотрю только на надменного капитана, который поджимает рот. Потрескавшиеся от мороза губы вытягиваются в недовольную оскорбленную линию.

– Безусловно, нет, и подобный истерический припадок лишний раз доказывает, что вам нечего делать там, где нужно сохранять ясность ума.

Истерический припадок? Я ему покажу истерику.

– Мадам, уходите.

Я резко вскидываю голову.

– Нет.

Внезапный конфликт между мной и этим незнакомцем усиливается, и я, упрямясь, буквально врастаю в землю. Наверное, мне стоило бы уйти, ведь я в любом случае это сделаю, но просто не могу, потому что он приказывает мне, глумится надо мной.

Капитан презрительно фыркает, но этот звук стирается, чванство обрывается на корню из-за того, что прошло слишком много времени.

– Довольно душить, – пренебрежительно говорит он. – Вы мешаете мне нести службу и отнимаете бесценное время.

Я не указываю на то, что вообще-то это он мне помешал.

– Сделайте одолжение, капитан: возвращайтесь на чрезвычайно важную службу в дозор на вашей стене. Вы загораживаете мне вид, – с фальшивой улыбочкой говорю я.

Он достойный противник – упрямство встретилось с упрямством. Не знаю, я раздражена или испытываю мрачную радость.

Он произносит низким голосом:

– Сейчас же уходите, или я лично вас отсюда выпровожу.

У меня из груди вырывается гадкий смешок, и я, не помня себя, наклоняюсь к капитану.

– Вперед, попробуйте. – В моих глазах горит вызов, я принимаю пыл этой повисшей в воздухе ярости, и хочу, чтобы он дерзнул. Хочу, чтобы попытался меня схватить, попробовал сдвинуть с места. Потому что в это мгновение в моих венах зловеще вопит непостижимое неистовство, а ленты на спине натягиваются.

«Сделай это», – безмолвно скандирую я.

Впервые с той минуты, как сюда подошел этот напыщенный мерзавец, капитан дает слабину. Он проводит взглядом по моему лицу, словно оценивая противника, и вдруг начинает сомневаться, правильное ли оружие он выбрал.

Затем его рука смещается, и я подмечаю это движение, кончики пальцев покалывает. Но, прежде чем его ладонь поднимается хоть на дюйм, капитан осекается и кладет руку на рукоять меча.

Я снова перевожу взгляд на его лицо.

– Так я и думала, – получив доказательство, хвастливо щечечу я.

От злости его лицо покрывается багровыми пятнами.

– Будь вы моей наложницей, я бы выпорол вас прямо на улице.

– Но я не ваша наложница. И мне жаль бедных наложниц, которые вас обслуживают. Надеюсь, вы щедро им платите, – возражаю я и окидываю взглядом его не слишком привлекательную фигуру.

С мгновение капитан будто взвешивает, сойдет ли ему с рук порка, о которой он упомянул. Я представляю, как он пытается меня наказать, выражение его лица, когда он осознает свою ошибку, как только я прижму пальцы к его коже.

Никому не под силу меня остановить. Ни моим стражникам, ни капитану, ни даже Мидасу.

Я могу отказаться от своего плана выжидать и собирать информацию, от плана побега. Вместо попытки выскользнуть из крепкой хватки Мидаса могу дать себе волю и позволить расцвести этому поселившемуся в груди чувству. Могу разрешить золоту течь с моих пальцев и превращать в твердые предметы любую вставшую у меня на пути преграду.

Это внезапное осознание моих истинных способностей кусает, как самый острый птичий клюв. Я никогда не чувствовала себя такой всеильной или, возможно, никогда по-настоящему не осмысливала свои способности, поскольку меня держали в узде страха и сомнения, направляемые манипуляциями.

Накажи его, шепчет мне на ухо мрачный голос.

Я едва ощущаю, как поднимается моя рука и стягивает левую перчатку. Не ощущаю, когда ленты начинают струиться по ногам, будто змеи, готовые нанести удар.

Уголки моих губ приподнимаются в легкой непривычной улыбке, и это все, что я могу чувствовать. Это и гулкий призыв тьмы, скрежещущий по черепу.

Я поднимаю руку и целенаправленно показываю оголившимся пальцем. Кровь струится по венам, угол обзора сужается. У меня нет времени останавливаться и размышлять, задумываться, какого черта я творю, потому что эта проклятая богами тьма впорхнула в меня, и больше я ничего не чувствую.

– Что это вы делаете? – настороженно глядя, неуверенно спрашивает капитан.

Я едва слышу его сквозь гул бьющегося сердца, стучащую в висках кровь. Ритм с вызовом бренчит: давай, давай, давай.

Всего одно прикосновение. Больше и не нужно. Я приближаю палец, ленты натягиваются и...

– Вижу, ты проснулась, Золотая пташка.

Порочный, чувственный голос ломает поглощающий меня гнев пополам и выдергивает из состояния, напоминающего гипнотическое.

Медленно, как падают первые капли дождя, я прихожу в себя. Моргаю, смотрю на свою руку, которая повисла в дюйме от хмурого лица капитана.

– Заигрываешь с дозорным на стене?

Я резко поворачиваю голову и вижу короля Ревингера, который вдруг очутился рядом со мной, хотя его приближение я не почувствовала. Его голос стекает по моей спине, и по разгоряченной коже тут же пробегают мурашки.

– Что? – Мой голос звучит изумленно, и я быстро опускаю руку, а противоречивые чувства захлестывают меня как ливень.

Ревингер не обращает внимания на капитана и стражников, склонивших головы, и смотрит на меня зелеными глазами. Сила сворачивается вокруг него спиралью, как туман, повисший над залитым рассветом полем, и я облизываю внезапно пересохшие губы.

– Я могу тебе чем-то помочь? – дразнящим тоном спрашивает он.

Мои щеки заливают румянец по многим причинам, коих не сосчитать. Я почти... а потом он...

Какого черта я собиралась сделать?

От вмешательства Ревингера капитан как будто с облегчением вздыхает и, явно обеспокоенный, пользуется случаем, чтобы уйти.

– Прошу меня извинить, Ваше Величество. Мне нужно вернуться к службе. – Он снова чопорно кланяется, а потом бросает в мою сторону взгляд. Затем поворачивается и уходит так быстро, что я не удивлена, как он не сорвался на бег.

Ревингер ухмыляется вслед капитану и снова поворачивается, смерив меня взглядом. Великие боги, что за ухмылка. Грубая щетина на его лице вытягивается вместе с тонкими, будто бумага, линиями его силы, обвивающими подбородок. Обсидиановые волосы слегка

взьерошены ветром. Он одет во все черное, его безупречно пошитые брюки и туника подчеркивают скрывающиеся под тканью мускулы.

Он красив. Слишком красив.

Ревингер опускает взгляд на свои сапоги, и, проследив за его взглядом, чувствую, как от унижения покрываюсь румянцем, когда вижу, как одна из моих лент обвилась вокруг его ноги.

Нахмурившись, заставляю ленту отпустить его, а потом убираю ее за спину. Ревингер улыбается еще шире.

– Друзьями обзаводишься? – вкрадчивым тоном интересуется он.

Я наклоняюсь, чтобы подцепить упавшую перчатку, и надеваю ее обратно на дрожащую руку.

– Я усвоила, что любые друзья, которыми могла бы надеяться обзавестись, не оправдывают ожиданий.

От моих слов ухмылка с его лица исчезает.

– И почему ты пришла к такому печальному выводу?

И хотя внутри меня бурный хаос, я уверенно встречаюсь с ним взглядом.

– Каждый человек, проявлявший ко мне дружелюбие, только и делал что разочаровывал меня.

Черты лица Ревингера заостряются.

– Прискорбно.

Я пожимаю плечом.

– Уже привыкла.

Когда у него на скулах начинают ходить желваки, я понимаю, что разозлила его. Что хорошо, потому что тогда я могу сосредоточиться на том, чтобы вывести его из себя, а не на том, что только что чуть не натворила.

Я вытягиваю перед собой руки, и мой жест меня выдает – Ревингер переводит взгляд на мой разорванный корсаж.

– Проблемы с корсажем? – Ему снова становится весело.

– Да, проблема в том, что корсажи – это глупо.

Ревингер хмыкает, и от этого звука я выпускаю воздух, который застрял в горле. Ревингер медленно проводит по мне взглядом, и меня злит, что коже становится тепло, а сердце стучит быстрее.

– Приятно видеть вас в добром здравии, леди Аурен. Я волновался, что возвращение к вашему золотому царю наложило некоторые... ограничения.

На подобранные им слова я шурю.

– Все хорошо, король Ревингер. Благодарю за то, что вы так великодушно меня освободили, – омерзительно елейным голосом говорю я.

Он наклоняет голову, не сводя с моего лица своих мшисто-зеленых глаз.

– Разве кому-нибудь нужно освобождать Золотую птаху? Или она сделает это сама?

Я открываю рот, но ответ не идет на ум.

Он приподнимает густую черную бровь, и в этом жесте я тут же вижу Рипа, и у меня сводит живот. Потом в знак уважения он легонько склоняет голову.

– Приятного вам дня, леди Аурен.

Повернувшись, он удаляется уверенной походкой, а я смотрю ему вслед и с трудом пытаюсь осмыслить все, что только что случилось.

– Миледи.

От неожиданности я подпрыгиваю и резко оборачиваюсь на голос Скофилда.

– Вот зараза! Я забыла, что вы стоите за мной.

На мою брань он переминается с ноги на ногу и переглядывается с Лоу.

– Теперь нам и правда нужно возвращаться в замок.

Его голос и тревога в карих глазах вынуждают меня уступить. Я киваю и начинаю спуск по лестнице, слыша резкое перешептывание между моими стражниками.

Из-за отголосков случившегося мой шаг нетвердый, а мысли спутаны. Потому что накал чувств, это темное желание наказать... я никогда прежде не чувствовала ничего подобного.

Гнев, как я поняла, на вкус как подслащенное пламя. И прожив целую жизнь, полную холодной горечи, отчасти я хотела предаться этому огню, хотела расцвести в его обжигающих объятиях.

Не знаю, что именно произошло, но кажется, во мне проросла тьма, вывелась из беспощадной почвы, в которой меня оставили вянуть.

Я чувствовала себя могущественной. Непобедимой.

И... мне понравилось.

Человек, которого я обвинила в том, что он был беспечным убийцей, стал тем, кто не дал мне стать такой же.

«Вижу, ты проснулась, Золотая птишка».

О богини, этот его невозмутимый тихий голос. Кажется, он говорил не только о том, что я встала с постели. Одно предложение – и Ревингер опустил меня на землю притяжением. Его голос пробился сквозь зловеющий голос моего подсознания и утянул обратно.

Но на обратном пути в замок меня, будто призрак, преследует один вопрос, обливающий омерзительно холодной водой мой подавленный дух.

Как бы я поступила, если бы он не вмешался?

Сомневаюсь, что готова узнать ответ.

Глава 7

Аурен

Я наблюдаю за снегопадом через стеклянные балконные двери и напеваю кабацкую песню, которая прочно засела у меня в голове. Это старая мелодия тех времен, когда я жила в Третьем королевстве, и текста целиком не помню, но припев всегда вызывает у меня смех.

Дружок наш Джон зевнул довольно,
Поправил узкие штаны.
Улыбкой одарив фривольной,
Девицы манят в ночь любви.
Как жаль, что зря они старались,
Ведь в брюках Джона...
всего лишь трубка оказалась.

Я усмехаюсь и лезу в карман, нащупывая трубку, которую умыкнула. На обратном пути в свои покои я заметила торчащую из кобуры мимо проходящего стражника тонкую деревянную рукоятку. Украсть ее было слишком легко. Похоже, некоторые из тех навыков карманных краж, которым я научилась у Закира, полезны.

Улыбаясь, я отпускаю трубку, и все же улыбка снова слетает с лица, стоит мне вспомнить о диалоге с капитаном на той стене. Я никогда не чувствовала, чтобы во мне поднималась такая неукротимая тьма. Вот что бывает с запертыми в клетке питомцами, когда они наконец вырываются на свободу.

Жажда расправы напевала у меня в груди, как хищная птица, кружащаяся и готовая пикировать на жертву. То была вселяющая страх поэма о темной потребности. И как же соблазнительно напевала эта коварная песнь.

Если бы не появился Ревингер, я бы позволила проявиться этой ярости? Мои облакающие в золото руки осквернила бы кровь другого человека?

И все же несмотря на то, что это чудовище снова смолкло, я чувствую, как оно наблюдает. Как некое неиспользуемое создание, готовое взвиться ввысь.

Я замираю от этой мысли, и всплывает еще одно старое воспоминание.

Подави слабость, и возрастет сила.

В последнее время этот совет из далекого прошлого часто всплывал в моих воспоминаниях, но теперь вернулся в полную силу, словно поджидал подходящий момент.

От моих волос разит рыбой и духами. Этот запах никогда не выветрится, и нечего пытаться. Завтра я вернусь сюда, погребенная ловушкой соломенного тюфяка и мужского тела.

Повернув голову направо, вижу гавань через заляпанное окно «Уединения». Кровать проседает, и сухая солома потрескивает, угрожая порвать шерстяные простыни. На мгновение вид мне загораживает волосатая рука, но я не отвожу взгляда, пытаюсь рассмотреть теплывущие корабли, даже когда мужчина бросает монету на тумбу и раздается звон металла.

– Это тебе, прелестница. Передам Закиру Уэсту, что ты была хорошей девочкой.

Спину щиплет, кожу между лопатками покалывает. Но я не протягиваю руку, чтобы ее почесать. И мужчине не отвечаю. Однако губы сжимаются в тонкую линию, пока мужчина не проявляет порядочность и не перестает загоразживать мне вид.

Я слышу, как он возится, надевая брюки и рубашу. Волосы, зажатые между подушкой и моей щекой, щекочут мне нос. С каждым вдохом я чувствую рыбу и духи, вонь такая сильная, что почти ощущается во рту.

На прощание он что-то говорит, но я не слышу. Мне плевать. Когда я наконец остаюсь одна, пощипывание в спине прекращается, и я поднимаюсь с кровати, чтобы надеть платье.

Оно темно-зеленого цвета, который напоминает мох, устилающий камни у лагуны в Эннвине, куда я однажды тайком сбежала. Цвет напоминает о летней траве на холмах, где паслись лошади моей матери. Напоминает деревья, простирающиеся к небу на улицах Бриоля.

Цвет напоминает мне о доме.

По щеке стекает слеза, когда я натягиваю чулки и заляпанные грязью сапоги. Я подхожу к окну и опираюсь руками о шероховатый деревянный подоконник, и в ту же минуту дверь за мной распахивается.

– Пора уходить. Нашла на ночь еще одного клиента.

Я поворачиваюсь и смотрю на полногрудую хозяйку таверны, которая подходит к кровати и начинает снимать простыни.

– Вам нужна помощь?

Натия смотрит на меня из-под пучка густых черных волос, усыпанных серебристыми прядями. Эта женщина прямолинейна, всегда резко и без угрызений совести говорит то, что думает, но на ее желтоватом лице появляются морщинки, когда она улыбается.

– Нет, девочка, это мой трактир, и мне им заниматься. К тому же непохоже, что ты умеешь заправлять постель.

Я неуверенно ей улыбаюсь.

– Вы правы, – отвечаю я. Я не называю ей причину – у меня никогда не было постели.

Сдернув простыни с другой стороны, Натия кивает на стол.

– Здесь для тебя монета. Не забудь.

По спине ползут мурашки от напряжения. Не хочу даже смотреть на деньги.

– Оставьте себе. Простите, что кровати всегда в таком беспорядке. – Я заливаюсь краской, произнося эти слова, и вынуждена отвести взгляд.

Шесть недель. Вот уже шесть недель я прихожу сюда, в «Уединение», чтобы встретиться с человеком, присланным Закиром. Никогда не думала, что стану скучать по попрошайничеству на улицах. Никогда не думала, что буду скучать по тому, как заставляли меня воровать у пьяниц и воров на протяжении целой ночи, даже если порой меня ловили и били.

Может ли человек сломаться за шесть недель?

Кажется, будто со мной это и случилось. Словно я могу разорваться по швам, как тряпичная кукла, которой слишком часто играли.

Может, поэтому по спине постоянно ползут мурашки, а кожа натягивается от щипков и толчков. Может, потому что там начинают проявляться мои трещинки.

Как бы было своевременно, если бы я сломалась, правда? Забавно, учитывая, как я покорно склонилась перед Закиром.

Я вздрагиваю, когда внезапно рядом со мной оказывается Натия и берет меня за руку, вложив монету в ладонь, а потом ее сжав.

– А теперь слушай внимательно, девочка, – строго говорит она. – Я тысячу раз видела этот взгляд.

– Какой взгляд?

– Взгляд, показывающий, что ты сдалась. – Она впиивается пальцами в мою руку, монета, зажатая между нами, напоминает секрет. – Я живу здесь довольно долго и видела такое не раз. Ты не первая из девочек Закира, которые пользовались этой комнатой.

Если прежде я считала, что мои щеки пылают, то это несравнимо с теперешним жаром на лице.

Натия кивает на окно.

– Ты всегда смотришь на те корабли, но наверняка ни разу не задумывалась, что можешь оказаться на одном из них.

Я смотрю на нее, изумившись, что она заметила. Я виделась с ней пару минут каждый раз... после.

– Но ведь я и не окажусь, – отвечаю я, в моем голосе слышна горечь.

– Почему нет? – не соглашается она.

От ее вопроса меня снова переполняет раздражение, и я выдергиваю руку из ее хватки и бросаю монету на подоконник.

– Что вы хотите этим сказать? Закир никогда меня не отпустит, а вы знаете, что бывает с тайком прокравшимися на корабль.

Она наклоняется, задевая фартуком мое платье, и в ее карих глазах появляется неповиновение.

– Кто сказал о прокравшихся тайком?

С мгновение я просто смотрю на нее и не понимаю. А потом Натия снова опускает взгляд на монету.

– Повторю: забирай заработок, девочка.

Пальцы у меня немного дрожат, когда я протягиваю руку и беру монету. Мне не впервые дают на «чай», но я всегда оставляю монету в комнате. Мне было слишком стыдно, слишком презренно к ним прикасаться. Но когда Натия тянется к карману своего платья и вытаскивает небольшой кисет, сшитый из лоскутов, я сразу же понимаю, что в нем скрывается.

– Это не для Закира, слышишь? Они твои. Тебе решать, как ими воспользоваться. – Она снова кивает в сторону гавани. – Слышала, корабли с голубыми парусами и желтым солнцем – из Второго королевства, где дождь не идет без конца неделями, а горячий песок в пустыне мелкий, будто пудра.

От одной только мысли оказаться в сухой и теплой пустыне вместо извечно промозглого портового города по телу пробегает дрожь.

– Но, полагаю, девочка, которая сдалась, не станет о таком думать, – пожав плечами, заканчивает Натия. – Ведь это про тебя? Ты переставшая верить девочка?

Я с трудом глотаю подступивший к горлу комок и смотрю то на нее, то на плывущее вдалеке трио кораблей с желтыми парусами.

То, что она предлагает, – надежду на побег – именно этого я всегда желала. И все же, если меня поймут, если я потерплю неудачу...

От слез щиплет глаза, а тело трепещет. Закир не просто меня накажет, он может убить меня, если я попытаюсь сбежать. Или раз и навсегда отдаст меня Бардену Исту, и тогда останется только мечтать о смерти.

– Я не могу.

– Можешь, – возражает пожилая женищина и смотрит на меня, упершись руками в бока и хмурясь густыми изогнутыми бровями. – Это твой страх говорит и слабость, которую ты должна подавить, пока она тебя не одолела.

Она права. Я слабая. Ее кличка «Сдавшаяся» недалеко от истины.

Я слабая и одинокая и за какие-то шесть недель стала человеком, который предпочел сдаться. Во мне лишь пустота, заполненная сломанными стенами и рваными муками, сваленными в кучу так, что их невозможно вычистить.

Презираю себя за то, что нижняя губа дрожит и я чувствую себя такой ничтожной. – Не знаю, смогу ли. Не знаю, настолько ли я сильна, чтобы попробовать.

Натия не смягчается, не принимается добродушно похлопывать меня по плечу или убеждать, что все будет хорошо. Наоборот, она с такой силой пихает мне в грудь мешочек с монетами, что я пошатываюсь и быстро его перехватываю.

– Либо пробуй, либо нет. Мне-то что, – сухо произносит она. – Хотя кажется, что лучше попробовать и потерпеть неудачу, чем сдаться. – Она впивается в меня взглядом будто в молчаливом наставлении. – Подави слабость, и возрастет сила. Невозможно стать сильной, не победив вначале свои слабости. Во всяком случае, так мне кажется.

По спине пробегает дрожь, и я сжимаю мешочек, края грязных денег впиваются мне в ладонь.

– А теперь убирайся отсюда. Внизу меня ждут клиенты, а еще нужно проветрить эту комнату и перестелить кровать. Не могу я лясы точить целыми днями, когда куча работы. – Бросив напоследок строгий взгляд, Натия проходит через комнату и подхватывает умелыми руками стопку испачканного белья. После чего молча выходит, а в ушах у меня звучат уже сказанные ею слова.

Я смотрю и смотрю на мешочек с монетами и спрашиваю себя, осмелюсь ли я и во сколько мне обойдется подкуп капитана. Я развязываю тесемки и запускаю в мешочек пальцы, вытаскиваю одну золотую монету, края которой затерлись и испачкались.

Верчу ее в руках и спрашиваю себя, действительно ли мне хватит духу попробовать. Возможно, Натия права. Возможно, лучше попытаться и потерпеть неудачу, чем быть сдавшейся девушкой.

Услышав в коридоре шум, я быстро засовываю монету обратно и туго завязываю мешочек, после чего для надежности прячу его в кармане. Но... хватит ли этого? Нужно ли мне больше денег?

Когда я выбегаю из комнаты, кожу снова покалывает и щиплет, но в этот раз не спину. А кончики пальцев.

Меня вырывает из воспоминаний звук хлопнувшей в спальне двери.

Я резво устремляю взгляд на Мидаса и тут же напрягаюсь. От гнева на загорелом лице вся его красота испаряется, заменяется чем-то омерзительным, тем, от чего у меня сводит живот. На мгновение под его взглядом мой разум дает слабину. Мышечная память, а может, мгновение из сознания вынуждает меня почти вернуться к прежним привычкам. Побуждение задобрить и угодить очень сильно.

Мидас прекрасно меня выдрессировал.

Вместо того чтобы сдаться, я пробуждаю свой гнев, не даю угаснуть обоснованно тлеющим углям, и мне удается взять себя в руки.

– Мидас, как ты? – с искусной вежливостью спрашиваю я и, встав, подхожу к кровати, чтобы держаться от него на расстоянии.

– Как я?! – повторяет он и скидывает руку по направлению к двери. – Мне только что сообщили, как ты целый день разгуливала по замку.

Я оцениваю его гнев и решаю прикинуться дурочкой. Сделав вид, что ничего не понимаю, я начинаю взбивать лежащие на кровати подушки.

– Да, – живо отвечаю я. – Это было чудесно. Мне не удалось побывать в библиотеке, но я видела множество других комнат, и Рэнхолд показался мне симпатичным. Вот только в замке, похоже, есть небольшая проблема со сквозняками, тебе не кажется? Полагаю, для оконных рам использовалась пористая древесина. Плохо продумано.

На лице Мидаса появляется изумление, пока я продолжаю возиться с подушками. Я излишне рьяно встряхиваю большие, а потом...

– Взбей эту для меня, ладно? – вырывается у меня, а потом я швыряю подушку в Мидаса. Золотой атлас прилетает Мидасу в лицо, и раздается приятный стук. Конечно, поступок детский. Но он творит чудеса с моим моральным духом.

Когда Мидас отдирает подушку от лица и прижимает ее к боку, я уже расправляю одеяла. Краем глаза замечаю, как он сжимает руками подушку.

– Аурен.

Я смотрю на него.

– Да?

– Клетка...

Я тотчас выпрямляюсь, все иллюзии моего притворного оживления исчезают, когда во мне начинается полыхать яростный огонь.

– Нет!

Я не вынесу, если это слово еще раз слетит с его губ. Я буду играть роль, потому что мне нужны время и план, но если Мидас снова предпримет попытку с этой проклятой богами клеткой, я буду рвать и метать.

Мидас медлит, задумчиво смотря карими глазами и оценивая резкую перемену в моем поведении. Спустя мгновение он словно выбирает иное решение.

– Тебе слишком опасно разгуливать по замку без меня.

– Со мной были два стражника.

Он качает головой.

– Не важно. Все здесь представляет для тебя опасность. Ты это знаешь. Тебе нельзя никому доверять. Тем более, когда я узнаю, что этот Ревингер снова к тебе приблизился, – цедит он сквозь зубы.

Я замираю.

– Он просто оказался на стене в то же время, когда там была я, – защищаюсь я.

От разочарования в его плечах появляется напряжение.

– Мне это не нравится. Он и его командир либо сильно тобой увлечены, либо нарочно меня провоцируют.

Меня так и тянет упомянуть, что Мидас всегда создавал условия, чтобы люди в действительности были мной увлечены. Он любит манить мной остальных, как золотой морковкой. Яркий тому пример – король Фульк. Мидас просто хочет это контролировать.

– Помимо того, что люди опасны, ты должна помнить, что и ты для них угроза, – продолжает Мидас, давая словам осесть в моем сознании. По моему лицу он видит, как глубоко они въелись в мой разум, хотя я и стараюсь изо всех сил сохранять безучастное выражение. – Один неверный шаг, одна случайность – и ты можешь кого-нибудь убить. Должен ли я напомнить тебе, что ты только что убила свою замену?

На сей раз я не могу побороть дрожь. Не могу остановить промелькнувшее воспоминание, как я толкнула женщину своим мгновенно приносящем смерть прикосновением. Убитая моей рукой, она навеки останется погребенной в клетке, предназначенной для меня. Вина и сожаление клубятся вместе как облака.

– Подумай о Карните, Аурен. Подумай, что случается, когда ты ведешь себя безрассудно.

Капля воды падает на тлеющий огонь моего гнева, и слышится шипение. Я вижу манипуляцию без прикрас. И все же на мгновение она вынуждает меня в нерешительности замяться. Брызжет морось прежней Аурен, угрожая потушить мой огонь.

Трудность в том, что Мидас почти прав. Одно неверное движение – и все пойдет прахом. Если кто-нибудь коснется моей кожи, то превратится в чистое золото, и я никак не смогу это предотвратить.

Не знаю почему, но я не могу попросту менять цвета людей и животных. Если я до них дотронусь, золото возьмет свое. Одно легкое прикосновение моей руки – и они мертвы. Как та

женщина в моей клетке. Как капитан Фейн из Красных бандитов, чья статуя покоится где-то в замерзшей Пустоши. Как те люди в Карните, когда золото впервые стало сочиться из моих пальцев и обагрило руки кровью.

– Днем ты должна оставаться в комнате, – говорит Мидас. Его взгляд такой же жесткий, как кора дерева. Одно прикосновение – и меня пронзят щепки.

В горле у меня ком размером с персик, который я изо всех сил пытаюсь проглотить, между делом стараясь контролировать свои мрачные эмоции. При мысли когда-нибудь снова оказаться запертой внутри все жжет от желчи.

– Ты обещал, – с негодованием восклицаю я.

– Я пытаюсь защитить тебя от тебя же самой.

Я фыркаю и качаю головой. Мне претит, каким он стал в этом умельце. Мидас пытается заставить меня подчиниться, покориться, потому что так уж между нами всегда было устроено. Он умеючи дергает за струны моей вины и заставляет меня играть под его дудку, поэтому вместо того я должна сыграть в свою.

Подави слабость.

Мидас обводит рукой комнату.

– Не будь неблагодарной за то, что я уже тебе позволил.

Я пригвождаю его взглядом.

– Не будь неблагодарным за то, что позволила я, Мидас.

Очередной поединок взглядами. Схватка отталкивающего волеизъявления. Прилив и берег – извечная битва между землей и водой, игра в «ты – мне, я – тебе».

Может, он и носит корону, но золотой ее сделала я.

Я вижу, как он пытается сдержать гнев, но Мидас никогда не умел идти на компромисс и не выносит, когда я ему не повинуюсь. Спустя мгновение он позволяет гневу выплеснуться, вздохнув и бросив подушку на кровать сильнее, чем нужно, отчего она отскакивает и падает на пол.

Упираясь руками в бедра, Мидас еще раз тяжело вздыхает.

– Я согласился на то, что ты не вернешься в кле... что тебя не будут держать под защитой решеток, – исправляется он. – Но днем тебе слишком опасно быть одной. Как для других, так и для себя. Ты не умеешь управлять своей силой, Аурен.

– Сама знаю, – огрызаюсь я. Он пытается стать хозяином положения, и мне это не по душе. – Точно так же, как все знают правила. Никто не дотронется до меня, и я буду соблюдать осторожность, как соблюдала, находясь с войском Четвертого королевства.

Мидас смотрит на меня с жалостливым разочарованием. Раньше этот взгляд стал бы для меня ударом под дых. Я без промедления бросилась бы все исправлять, постаралась бы стать послушной.

– Ты стала безответственной, Аурен. Оно того стоит? Ты действительно хочешь, чтобы это оставалось на твоей совести? Я думаю только о тебе.

Мерзавец. Какой манипулирующий эмоциями, тянущий за ниточки мерзавец.

И все же... я и впрямь стала эгоисткой? А если я совершу ошибку и из-за этого кого-нибудь убьют?

Я кусаю нижнюю губу, вонзая зубы, чтобы подавить волнение. Внутри меня разгорается битва – битва мыслей, противоречивых желаний.

Мидас приближается, как акула, почуявшая в воде запах крови.

– Подумай, Аурен. Ты поистине одобряешь риск, что можешь кого-нибудь убить? Опять? Потому что так и произойдет. Я лишь пытаюсь тебя защитить. Раньше ты всегда мне доверяла. Мне нужно, чтобы ты снова начала доверять.

Глаза начинает жечь, и я хочу плюнуть ему в лицо. Хочу плюнуть и себе в лицо.

Я чувствую, как он обматывает меня петлями, как искусно словами завязывает узлы. Мидас ловко мной манипулирует. Неужели я считала, что могу одолеть его в им же созданной игре, когда он так в ней поднаторел?

Я чувствую себя совершенно неподготовленной.

Я нужна ему, напоминаю себе я. У меня есть рычаги давления, потому что он хочет, чтобы я успокоилась, а я хочу, чтобы он думал, что все хорошо, пока я планирую побег. Разумеется, я не хочу случайно кого-нибудь убить или позолотить что-то в неподходящее время, раскрыв свою тайну, но не могу я каждый божий день безвылазно сидеть в этой комнате.

– Никаких затворов, Мидас, иначе эта комната ничем не лучше клетки, – говорю я ему. – Все время я буду рядом с твоими стражниками, буду закрывать ладони и руки, а также держаться на расстоянии, но сидеть взаперти здесь я не могу, – продолжаю я, вздернув подбородок.

Он смотрит на меня, и мое сердце громко стучит, но я пытаюсь не проявлять нетерпение. И хотя мы оба стоим не двигаясь, я чувствую, что между нами происходит решительная схватка. Чувствую, что в ладони мне врезается острая веревка, когда он тянет и тянет. Если я ему позволю, Мидас меня утащит на дно.

Потому я не отступаю от своего решения. Не пасую. И наконец, спустя еще одну напряженную минуту, Мидас вздыхает.

– Драгоценная, я не хочу ссориться. День выдался тяжелым. Да что там – месяц. – Внезапно он выглядит уставшим, словно эта беседа его измучила так же, как измучила меня.

Мидас подходит и прикладывается поцелуем к моим волосам. Теперь это безопасно, ведь уже наступила ночь.

– Тебе нужно немного отдохнуть. Я прикажу принести тебе ужин, и завтра мы поговорим. – Он опускает взгляд на корсаж моего платья. – Пришлю швею починить твоё платье.

Не дождавшись ответа, он поворачивается и выходит из комнаты, а я стою и смотрю на закрытую дверь. Без сомнений, знаю, что он продолжит ломать мою решимость, пытаюсь расцарапать до крови. Если вскоре я не придумаю план, Мидас снова вонзит в меня когти, а я не могу позволить этому случиться.

Я должна выскользнуть из его рук прежде, чем он вцепится в меня мертвой хваткой.

Глава 8

Царица Малина

Сверчки. Вот кого мне напоминают мои советники.

Уилкокс, Бартал и Увен – аристократы из когда-то процветающих семейств Хайбелла. Они паразиты, которые прыгают передо мной и решаются издавать звуки, только когда им ничто не угрожает.

– Мы не можем лишить права на земледелие Дом Бансготов, – говорит Бартал. Хмурое выражение идеально подходит его стареющему лицу, поскольку в моем присутствии эта гримаса используется им чаще всего.

– Ваше Величество, он прав, – соглашается стоящий слева от меня Увен. – Эти права были у них на протяжении многих поколений.

Я поочередно поднимаю пальцы, а потом постукиваю ногтями по столу. Он до сих пор пахнет свежей краской. Придворный плотник посмотрел на меня как на сумасшедшую, когда я приказала ему покрыть краской каждый золотой предмет мебели в зале совета, но приказ исполнил.

Потребовалось пять слоев белой краски, чтобы полностью покрыть безвкусный металл, и пять дней, чтобы она высохла.

Разумеется, в тот день мои шпионы сообщили, что Четвертое королевство не ведет войну с Пятым, как я рассчитывала. Наоборот, кажется, король Рот и Тиндалл заключили своего рода временное перемирие. От одной только этой новости я пребывала в дурном расположении духа, но потом услышала про нее. Золотая шлюха еще жива и снова была возвращена Тиндаллу.

Губы вытягиваются в презрительной ухмылке.

Я вручила ее и остальных шлюх на блюде с голубой каемочкой Красным бандитам, а пираты все испортили, отдали наложниц, а после сбежали как настоящие трусы. От одной только мысли об этом мое самообладание покрывается изморозью, а внутри обжигает лед.

Мужчины всегда срывают все самые выверенные планы женщин.

Возвращаясь к разговору, я резко качаю головой.

– Меня не волнует, как давно у них эти права. Дом Бансготов заявил, что будут платить подать исключительно Тиндаллу, а это государственная измена, – отвечаю я.

– Царь...

Я перебиваю Увена.

– Тиндалл, – нарочито акцентирую я, – огнь не правит Шестым королевством. Им правлю я. – Их стрекот стихает, как и всегда. – Налоги должны быть выплачены, а иначе будут пожинать последствия. Бансготы задержали оплату на три недели и притом пропустили все попытки собрать деньги. Потому они потеряют права на земледелие, и я передам их Дому, который верен своей царице Кольер.

Все трое таращатся на меня, а я подавляю раздраженный вздох.

Контроль, который я установила над Хайбеллом, мягко выражаясь, условный. Я каждый день стараюсь добиться успеха, укрепить свою власть и навлечь позор на Тиндалла, но сопротивление, похоже, только усиливается. Знать разделилась. Дома, которые в прошлом были верны моему отцу и его отцу, теперь плюют им в лицо и отвергают меня. А все потому, что Тиндалл ослепил их богатством.

Вот почему я перекрыла им доступ к золоту, ограничив ежемесячные подачки.

Но все же от каждого моего ответного хода я словно утрачиваю влияние, и это приводит меня в бешенство. Сначала крестьяне, а теперь и аристократы.

Но я заставлю их подчиниться. Я должна.

– Передайте права на земледелие Дому Шарин. Они могут сохранить соглашение на поставки урожая Хайбеллу, а еще мы отправим им тележку золота, дабы отблагодарить за верность, – произношу я, теребя подбитый мехом воротник на платье.

Увен поджимает губы, однако покорно записывает распоряжения.

– А теперь... – Меня перебивает стук в дверь. – Войдите.

В зал просовывает голову мой стражник.

– Прошу меня извинить, моя царица, но к вам прибыл вестник.

– Откуда?

– Из Пятого королевства.

Я чувствую, как напрягаются советники, и в тревоге у них перехватывает дыхание.

– О, Тиндалл наконец-то убедился, что я сбросила его со счетов, – говорю я. – Приведите вестника. Здесь я его и приму.

Проходит несколько беспокойных минут, а я продолжаю барабанить ногтями по столу. Мой дорогой супруг наконец-то соизволил осознать, что его власть над Хайбеллом была оспорена. Я одновременно испытываю и радостное волнение, и предвкушение перед тем, каким окажется его ответ.

Именно этого я и ждала. Шахматные партии между королями и королевами никогда не бывают скучными, а я давно желала выступить против Тиндалла.

Когда в коридоре раздаются шаги, я начинаю стучать пальцами несколько сильнее. Я опускаю взгляд туда, где стерлась белая краска, теперь застрявшая под моим ногтем. В груди зарождается чувство досады, когда я замечаю золотую полосу, проступившую через царапину на столе. Одна ошибка – и в мгновение ока пять слоев краски разрушены. Клятый металл насмехается надо мной, издевательски улыбаясь в ответ на мой свирепый взгляд.

– Ваше Величество?

Я смотрю на открытую дверь, два стражника сопровождают вестника. Он одет в золотые доспехи и тяжелый плащ, на который налипли неровные комки снега, напоминающие белую колючую ежевику.

Посмотрев в его обветренное лицо, я тут же его узнаю.

– А, Гиффорд. Как вижу, по-прежнему доставляешь послания Мидаса. Никакого продвижения по службе?

В знак приветствия смуглый мужчина кланяется, не обратив внимания на мою остроту.

– Продвижения по службе не нужно, когда исполняешь волю самих богов.

В ответ на это я приподнимаю белую как снег бровь.

– Богов? О богини, сначала Тиндалл поднялся в положении, став царем, а теперь он – бог? Сколько золота ему это стоило? – спрашиваю я, с иронией скривив губы. Чувствую на себе неодобрительный взгляд Уилкокса, но это лишь сильнее меня веселит.

Гиффорд качает головой, но взглядом не выдает своих дум.

– Не такое уж это богохульство, Ваше Величество. Только боги предопределяют и благословляют монархов. Выполняя волю царя, я исполняю и волю богов.

Я наклоняю голову.

– А царицы и богини? Разве меня не избрали боги, Гиффорд?

Он медлит, бросив взгляд на моих советников, и отвечает:

– Разумеется, Ваше Величество. Я не хотел вас оскорбить.

– Ты и не оскорбил. Не стоит винить древесный сок за то, что он течет. В конце концов, это делает дерево. – Судя по его хмурому взгляду, он понятия не имеет, о чем я говорю. Я

отмахиваюсь от него. – Полагаю, ты доставил послание от моего отсутствующего дражайшего супруга?

Гиффорд переминается с ноги на ногу.

– Да, Ваше Величество. Он отправил меня на тимбервинге, чтобы я прибыл сюда без промедления. Он за вас волнуется.

Уголок моего рта приподнимается.

– Не сомневаюсь.

– Когда все его ястребы прибыли без ответа... – мужчина смолкает.

– Я с нетерпением жду объяснений, – протянув руку, любезно говорю я.

Он начинает идти ко мне, но мой стражник поднимает руку, чтобы его остановить.

– Послание Ее Величеству вручу я.

Гиффорд склоняет голову.

– Конечно.

Порывшись в кисете, висящем у него на бедре, он достает золотой цилиндр и передает его мне.

Мой стражник открывает цилиндр, вынимает письмо и, подозрительно оглядев, передает мне.

– Благодарю, – тихо говорю я, и он делает шаг назад.

На меня смотрит металлическая восковая печать в виде колокола – моего колокола.

Пергамент толстый, однако короче, чем я ожидала. Разворачиваю его, чтобы прочесть, и с каждым нацарапанным словом моя спина напрягается, губы сжимаются с такой силой, что наверняка побелели.

Не осознавая своих действий, я сминаю письмо в кулаке.

– Ваше Величество?

Не знаю, кто из моих стрекочущих сверчков говорит, и мне плевать. Я встаю и слишком сильно отпихиваю кресло назад. Ножки его скрипят по раскрашенному полу, белая краска отслаивается, оставив за собой полоску золота.

Я еще сильнее сжимаю в кулаке письмо.

– Моя царица?

Продолжая всех их игнорировать, я выхожу из комнаты. Стражники спешат нагнать меня, когда я оставляю за спиной озадаченных зрителей. По пути вверх продолжаю сжимать руку, и мне в ладонь впиваются толстые острые края бумаги.

Только оказавшись в своих покоях и захлопнув за собой дверь, я наконец разжимаю кулак и бросаю клятое письмо в горящий камин. Вместе с тем, сквозь стиснутые зубы, издаю крик разочарования.

Положив руки на каминную доску, я смотрю на пламя, смотрю, как горят слова, желая сжечь и руку, что написала их пером.

– Что случилось?

Я не поворачиваюсь, даже не моргаю. Жар от пламени затуманивает мне взор, но я продолжаю смотреть, как письмо обращается в пепел.

Джео подходит ко мне и робко кладет руку на спину.

– Что произошло, любовь моя?

– Любовь, – со злостью проговариваю я и, повернувшись, отшатываюсь от него. – Джео, ты не любишь меня. Ты – мой царский наложник. Шлюха, которой я плачу. Не выслуживайся передо мной своей красивой ложью.

Он опускает руку, и на его лице появляется обида. Хотела бы я видеть ее дольше. Хотела бы распространить эту боль, заставить всех страдать так же, как я страдаю в этой жизни.

– Хорошо, – говорит он, его рыжие волосы мерцают в свете камина, а усыпанное веснушками лицо красное от гнева и смущения. – Что случилось, царица Малина? – нарочито повторяет он вопрос.

– Хочешь знать, что случилось? – огрызаюсь я. – Каждый мерзавец, который приставал к девице и крал ее целомудрие. Каждый подонок, который родился и осквернил родословное древо. Каждый мужчина, который получал власть за счет женщин.

Джео сводит густые рыжие брови.

– Я не понимаю.

– Он обрюхатил одну из своих шлюх! – кричу я, лед вокруг моего самообладания разбивается вдребезги.

Он с изумлением на меня смотрит.

– Тиндалл?

– Разумеется, Тиндалл, – сверкая глазами, с яростью выплевываю я. – Кто еще?

Наложник открывает рот, но тут же закрывает, прежде чем успевает заговорить. Рядом с нами огонь продолжает потрескивать, поглощая письмо, которое я ему скормила.

– Выкладывай, Джео.

– Ну, это просто... – Он проводит руками по своей белой тунике, словно хочет сгладить то, что собирается сказать. – Я думал, это он бесплоден.

Я стискиваю зубы, смотря на него таким холодным взглядом, что тот мог бы посоперничать с бурями Шестого царства. Джео повезло. Если бы в моих венах текла магия, я бы убила его на месте за то, что он дерзнул сказать мне такие слова.

– Значит, это моя вина, что у меня нет ребенка? – Мой голос настолько низкий, что, без сомнений, просачивается вглубь земли и проникает напрямик в ад.

Раскаяние Джео меня нисколько не смягчает.

– Моя царица, я вовсе не это хотел сказать.

– Выметайся.

Он отшатывается, вытаращив голубые глаза.

– Малина...

– Сегодня твои услуги мне не понадобятся, Джео. Уходи.

Отвернувшись, я снова смотрю на огонь и его демоническую мощь, смотрю, как языки пламени облизывают и превращают все в пепел. Я слышу, как выходит и закрывает за собой дверь Джео, и только тогда громко вздыхаю.

Я ждала от Тиндалла гнева и тонкого хода, как только он поймет, что я пытаюсь отобрать у него Шестое царство. Ждала проклятый богами отклик за все мои тяжкие труды по свержению его власти.

Но нет.

Все это он обошел вниманием, словно я бездействовала. Словно тайная государственная измена, которую я совершила, не имеет никакого значения, и ни один из моих ходов не стоит его внимания. Он даже не удостоил меня угрозами.

Вместо того он дал мне наказ официально объявить о беременности, а потом закрыться в своих покоях на следующие шесть месяцев. Когда я выйду, на моих руках будет ребенок. Я выйду с чужим младенцем. Ребенком его шлюхи, выдаваемом за принца или принцессу.

Его словами: «Ты сделаешь это и наконец-то исполнишь свой супружеский долг, и я смогу заявить о законном наследнике».

Глаза жжет, но я не моргаю. Сейчас в моих зрачках отражается пламя камина.

Я осознаю истинную угрозу. Не остается сомнений: Тиндалл знает, что я тут проворачиваю, но он собирается связать меня своим бастардом.

Ты выполнишь мой наказ или больше не будешь мне выгодна в качестве супруги.

Выгодна. Вот и все, что имело для него значение: выгодна я ему или нет.

Я даже не замечаю, что опускаю руку на живот, что ногти впиваются в плоть. Плоскость, скрывающую бесплодную утробу.

Если он искренне верит, что я когда-нибудь приму ребенка его шлюхи и выдам его за своего, тогда он вовсе меня не знает. Нет, если я не могу иметь детей, тогда и он не может.

Я вырву Хайбелл из его рук и разгромлю его надежды на наследника.

В конце концов, он первым со мной это сделал.

Глава 9

Аурен

Меня будят визги и вопли.

Приоткрыв один глаз, я смотрю на застекленные балконные двери. Вчера перед сном я забыла задернуть занавески, потому в комнату проникают слабые лучи рассвета, цвет которых напоминает порцию сливок, вылившихся за жестяной купол рассвета.

Снова услышав лай, я сажусь и вылезаю из постели, просовываю ноги в тапочки и надеваю халат, оставленный мною на подлокотнике кресла. Я бреду к балкону, и мои ладони покрывают ручку золотом, как только я ее касаюсь.

Когда я выхожу на балкон, меня приветствует холодный утренний ветерок, развевающий распущенные волосы. Землю покрывает легкая корочка снега, а за мной, когда подхожу к перилам и смотрю вниз, тянутся следы.

Шум исходит от своры взбудораженных собак, кусающих друг друга и бегающих кругами в деревянном загоне, пристроенном к небольшому каменному зданию. Я смотрю, как они катаются по снегу, высунув языки, тявкают и прыгают, и мои губы приподнимаются в улыбке.

Там внизу с ними двое мужчин, одетых в такие густые меха, что меня удивляет, как их не качает из стороны в стороны. Один из мужчин скрывается в строении, которое я принимаю за псарню, и спустя несколько секунд выходит, волоча за собой собачью упряжку.

Услышав свист, лохматые псы мчат к нему, виляя хвостами, пока он подцепляет их к саням. Увидев, как второй мужчина загружает назад стрелы и клинки, я понимаю, что это охотничья стая.

Как только все собаки оказываются пристегнутыми, в воздухе проносится еще один пронзительный свист, и оба дрессировщика встают на подножки. Собаки тут же срываются с места. Собачья упряжка направляется к стоящим на страже за замком горам, и я наблюдаю за ними, пока они не исчезают из виду.

Видя, как они убегают, я чувствую, как меня пронзает укол ревности. Должно быть, такие поездки очень раскрепощают. Ветер развевает твои волосы, под ногами блестит снег. Ручаюсь, это еще приятнее, чем стоять на стене, чтобы почувствовать дуновение ветра.

Вернувшись в комнаты, я по-быстрому исполняю свой утренний ритуал, надеваю очередное платье с ужасным корсажем на косточках, ломая их одну за другой. Если бы женщинам было суждено стягивать талию и выпячивать грудь на протяжении целого дня, то мы бы рождались со встроеным корсетом вместо ребер.

Надев пальто, чтобы одолеть холод, я почти дохожу до двери из своей спальни, как вдруг мои шаги замедляются, а внутри меня просыпается совесть.

Ты поистине одобряешь риск, что можешь кого-нибудь убить? Опять?

Пальцы под перчатками покалывает, а зубы нервно покусывают нижнюю губу. Но это сомнение – то, чего он жаждет. Он пролез мне в голову, а я не могу ему этого позволить.

С возрожденным рвением я иду к двери и думаю обо всех местах, куда сегодня направлюсь. Вот только когда я хватаюсь за дверную ручку, собираясь выйти, она не поворачивается.

Я смотрю на золотой металл, заметив со своей стороны отсутствие засова. Подонок меня запер. После того как я согласилась всегда быть в присутствии стражников, он все равно меня запер.

Спину покалывает. На затылке собираются капельки пота.

Внезапно я оказываюсь не здесь, не в спальне Пятого королевства. Я вернулась в Хайбелл, в свою клетку, и обхватываю прутья ладонями, как пленница в тюремной камере.

Скрытая. Запертая. Удерживаемая.

Я застываю, чувствуя, что не могу дышать, когда ощущение, будто я в ловушке, давит на грудь с силой земного притяжения.

А потом мои ленты начинают двигаться, оборачиваются вокруг моего торса и сжимают, пока я не вспоминаю, что нужно сделать вдох.

Всей силой обладаю я. Я.

Прерывисто выдохнув, я зарываю, сметаю ощущение загнанного в клетку зверя и вместо того пробуждаю свой гнев, разжигая его и используя как щит. От злости мне становится легче, я чувствую себя более уверенной. Гнев напоминает, что я не беспомощная фаворитка, какой он хочет, чтобы я себя считала.

Разумеется, Мидас меня запер. Ничего иного от него я и не ждала. Я должна была морально к этому подготовиться. Возможно, здесь вокруг меня и нет решетки, но это лишь еще один способ посадить меня в клетку. У моего владельца новый замок, но это не значит, что я загнана в угол.

Скрежеща зубами, я поднимаю руку и барабаню в дверь.

– Прошу прощения?

Ответа я не получаю, а это меня раздражает, поскольку я точно знаю, что за дверью стоят стражники.

Поджав губы, на сей раз я стучу кулаком и кричу:

– Прошу прощения! – Слышу возню по ту сторону двери, а после – торопливый шепот. – Я знаю, что вы там! Это ты, Скофилд?

Очередная пауза и после раздается:

– Да, миледи.

По его голосу я понимаю, что сейчас на его лице появилась гримаса.

– Скофилд, похоже, мою дверь случайно заклинило. Ты не мог бы ее открыть?

– Не могу, миледи. – Ага, он определенно гримасничает.

Я бросаю взглядом молнии в дверь.

– Почему?

– Приказ царя Мидаса. Сегодня вы останетесь в своих покоях ради вашей же безопасности.

– Неужели? – сквозь зубы спрашиваю я.

– Да, миледи, – доносится его приглушенный ответ.

– Скофилд, открой дверь, чтобы нам не пришлось разговаривать через нее.

– Извините, миледи, у меня нет ключа.

В груди у меня клокочет гнев.

– Вот же коварный мерзавец, – зло произношу я шепотом.

У Скофилда вырывается какой-то сдавленный звук.

– Что?

– Я не про тебя, – вздохнув, говорю я и в расстройстве провожу рукой по лбу. – Слушай, Скофилд, мне нужно, чтобы ты привел ко мне Мидаса.

– Боюсь, я не смогу этого сделать.

О богини, как же он хорошо обучен.

– Почему? – спрашиваю я.

– Потому что царь сказал, что как только вы попросите меня это сделать, то я должен ответить отказом, – честно отвечает Скофилд.

У меня дергается глаз.

– Его Величество также велел сообщить вам, что так нужно.

Я закатываю глаза и фыркаю.

– Не сомневаюсь.

Повернувшись, я начинаю мерить комнату шагами, нервно ломая руки и обдумывая, как поступить. Я могу остаться здесь, пока Мидас меня не выпустит, но от такого варианта во рту появляется омерзительный привкус, вызывающий у меня жуткую боязнь замкнутого пространства.

Еще я могу попробовать узнать, какой урон могут учинить мои ленты двери, но тогда стражники обязательно оповестят Мидаса о моей попытке побега.

Я бросаю взгляд в сторону балкона. Может, мне удастся улизнуть оттуда?

Чтобы не передумать, я быстрыми шагами пересекаю комнату и захопываю за собой дверь. Подойдя к перилам и оглядевшись, оцениваю ситуацию. Я на третьем этаже. Не так уж и ужасно. Но не так уж и хорошо.

Кажется, на стене есть пара выступающих камней, которыми я могла бы воспользоваться в качестве опоры, если мне удастся медленно спуститься с перил. В том случае, если я не поскользнусь на льду и не брошусь навстречу верной смерти. Тогда это будет неосуществимо.

Да, я могу получить травму, но от мысли о том, что я на весь день застряла в этой комнате, мне уже становится дурно. Я не могу. Просто не могу находиться в заточении.

Я наклоняюсь над перилами, пытаюсь разведать более безопасный путь, но потом ненадолго перегибаюсь слишком сильно. Руки соскальзывают, а вместе с ним соскальзывают и я. От страха внутри все сковывает, и я перевешиваюсь слишком быстро, не успев остановиться.

Черт!

Когда я переворачиваюсь кубарем, у меня вырывается крик и я проклиная себя за неосмотрительность. Зажмуриваюсь, приготовившись к падению, но вдруг мои ленты вступают в дело быстрее молнии. Они сразу же взмывают вверх и обвиваются вокруг железных перил. Золотое пальто слетает с меня во время падения.

Я распахиваю глаза, когда мое тело резко останавливается, и из груди вырывается еще один пронзительный крик. Кожа на спине горит от болезненного рывка, и я продолжаю болтаться, а ленты удерживают меня подвешенной в воздухе. Тяжело дыша, я смотрю на землю под собой – землю, которая сейчас кажется гораздо дальше, чем мне бы хотелось.

От мимолетного падения в ушах стучит кровь, и я легонько покачиваюсь взад-вперед, повиснув как марионетка на ниточках.

Ирония не остается для меня незамеченной.

Поднатужившись, я пытаюсь дотянуться и ухватиться за ленты, как за веревку, чтобы подтянуться, но при первой же попытке вспоминаю, что мускулы у меня совершенно не развиты, поскольку я была ленивой, изнеженной тупицей.

– Идиотка, – шепчу я.

Руки дрожат, и я начинаю терять хватку.

– Забавно, я бы тоже тебя так назвала.

От неожиданности я вздрагиваю и между делом отпускаю ленты, после чего возвращаюсь в свою прежнюю позу распластавшейся куклы.

Не мой звездный час.

Взгляд сразу же падает на стоящего подо мной человека. Моя любимица из Гнева весело ухмыляется над тем, как я болтаюсь в воздухе. У нее гладкая кожа цвета эбенового дерева и гибкая фигура. Очертания ее сильного тела проступают из-под армейской одежды и толстого зимнего пальто. На ней сапоги до колен, а на бедре висит меч. Она смотрит на меня, скрестив на груди руки и расставив ноги на ширине плеч, как истинный воин.

– О, привет, Лу, – несуразно помахав ей, здороваюсь я. – Чем занимаешься?

Она приподнимает черную бровь, смотря, как я раскачиваюсь туда-сюда.

– Думаю, более интересный вопрос в том, чем занимаешься ты?

Я скрещиваю руки, а потом понимаю, что это движение заставляет меня выглядеть еще глупее, потому снова их опускаю.

– Ничего.

У Лу подергиваются губы.

– Угу. Нужна помощь, Златовласая?

– Нет. Я, эм... Я разберусь. Не пытайся меня ловить, ладно?

Она фыркает.

– Даже не собиралась. Хочу вдоволь насладиться, когда ты шлепнешься на задницу.

– Спасибо, – сухо говорю я.

С грехом пополам я вытягиваю шею, чтобы снова посмотреть на стену. Я старательно ищу решение, взгляд падает на балконные перила подо мной, которые находятся примерно в пяти футах. Я шумно выдыхаю, пытаюсь убрать с лица волосы.

– Проклятие!

Лу начинает смеяться над моими потугами.

Лоб покрывается потом, а спину пронзает боль. Кажется, будто мои ленты вот-вот оторвутся от спины, если я не поспешу. Я сжимаю зубы и пытаюсь сосредоточиться, сняв несколько лент, чтобы они ухватились за перила балкона, что ниже.

Вот только управлять зараз всего парой лент действительно сложно, когда у меня таких чертовых штуковин двадцать четыре, а я прятала их большую часть жизни и пользовалась только тогда, когда нужно было лишь уложить свои дурацкие волосы.

– Идиотка, – снова браню себя.

– Ага. Рада, что это мы уже выяснили, – произносит Лу.

Я говорила, что она мой любимый член Гнева? Вот уж нет. Я отдам предпочтение Озрику.

Я медленно принимаюсь распутывать три ленты сразу, но к ним самовольно присоединяются еще три. Потом еще три ленты, и еще и...

Из горла вырывается крик, и я снова лечу вниз. И теперь ленты слишком спутались, чтобы за что-то успеть уцепиться. Некоторые из них пытаются затвердеть и помочь помешать моему падению, но я все равно приземляюсь лицом вниз в кучу снега.

Отлично.

Все, что мне удастся, – это с мгновение лежать без движения, пока я не понимаю, что на языке появился характерный привкус металла. Я пробыла вне своей комнаты всего полминуты, а уже совершила дурацкую ошибку. Мне хочется придушить себя своими же лентами, но сейчас я не уверена, что даже это смогу сделать должным образом.

Оттолкнувшись руками, я пытаюсь сесть, после чего сплевываю снег. Глаза округляются, когда я замечаю оставшийся на земле золотой отпечаток своего лица.

– Ты в порядке, Золотце? – спрашивает Лу, звук шагов которой становится ближе.

– В полном! – спешу ответить я и лихорадочно стираю золото, пряча его под громоздкой кучей чистого снега и намочив при этом перчатки.

Когда на снегу слышится хруст ее сапог, я скидываю голову и резко оборачиваюсь, пытаясь сделать шаг назад, но ленты запутываются между ногами, и я чуть не падаю. Снова.

К счастью, мне удастся вырвать ленты из-под ног, чтобы избежать падения.

Лу останавливается передо мной, ее глаза весело сверкают.

– Любопытный способ выйти из комнаты.

– Я просто училась пользоваться своими лентами, – отвечаю я и принимаюсь отряхивать одежды от снега. – Тебе же известно. Доверять своему чутью.

– Верно, – отвечает Лу тоном, подсказывающим, что она ни капли мне не верит.

Вокруг нас кружат тонкие, как пергамент, снежные хлопья, падающие с нацарапанных облаков. Снег собирается на стриженной голове Лу, крупинки тают на выбритых в ее черных волосах кинжалах, но она словно не замечает холода.

Я спешно поднимаю пальто и надеваю его, натянув капюшон, чтобы снег не позолотился на моем лице.

Краем глаза замечаю пятно на земле, где я пропустила немного золотого снега. Я резво делаю шаг в сторону и поднимаю юбки, чтобы его спрятать. Лу смотрит карими глазами вниз, а потом снова мне в лицо.

От тревоги щеки заливают румянец, но я стараюсь держаться безучастно, насколько это возможно.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я. – Я удивлена, что они разрешили солдату войска Четвертого королевства войти в стены замка.

– Они и не разрешали. – Лу пожимает плечами и медленно кладет руку на скрученную рукоять своего меча. Я жду, что она продолжит, но зря. Лу, конечно, нельзя назвать болтливой, но обычно она более словоохотлива.

Между нами незваным гостем повисает неловкая пауза. Теперь, когда миновал нелепый спектакль, как я свисаю с балкона, и она больше не смеется надо мной, я явственно ощущаю, что настрой между нами изменился. Есть что-то в выражении ее лица, что-то невысказанное в темных глазах, когда она на меня смотрит. И тогда я с ужасом понимаю, что это.

Разочарование.

Я прочищаю горло.

– Если тебе нельзя входить в замок, тогда как ты тут очутилась? – спрашиваю я и оглядываюсь по сторонам, но мы здесь одни. Ближе всего к нам псарня, но там тихо и пусто.

– Я прогуливалась.

На ее краткий ответ у меня вырывается вздох, похожий на облако дыма.

– Лу...

Она наклоняет голову и окидывает меня взглядом.

– Не думала, что ты и впрямь это сделаешь, Золотце.

– Что сделаю? – непонимающе уточняю я.

– Вернешься к прежнему образу жизни, – наморщив нос, говорит Лу и с отвращением смотрит на неясно вырисовывающийся в тумане замок. – Не слишком-то похоже на компромисс.

И вдруг я понимаю, что в этом и заключается причина ее неприветливого взгляда, виднеющегося в нем разочарования. Чем дольше она так на меня смотрит, тем меньше я могу его выдержать. Она не прерывает затянувшееся молчание, не отказывается от своих слов. Судя по выражению ее лица, Лу чего-то от меня хочет. Оправданий? Не знаю.

– Как вижу, ты на меня злишься.

– Я не злюсь, – пренебрежительно отвечает она. – Просто не ожидала, что ты так легко вернешься под властное крыло Мидаса. Я считала, что ты это преодолела.

Я силюсь не вздрогнуть от ее уничижительного тона. Пытаюсь прогнать боль, которая извивается в горле и просачивается с каждым вздохом через стиснутые зубы.

Мне нравится Лу. Очень. Вернувшись к Мидасу, я потеряла не только свою свободу. Просто до нынешнего момента не понимала, что одной из потерь стало ее уважение. Или как сильно это будет меня волновать.

Напряженное молчание слишком затягивается, и я начинаю ерзать под ее осуждающим взглядом. Не знаю, что ответить. Ведать не ведаю, знает ли она, что Рип в действительности ее король и изменит ли это хоть что-то.

Я хочу спросить о нем, спросить, знает ли она, что мы разговаривали в комнате с клеткой, но тотчас давя на корню это желание. Само собой, я утратила всяческую возможность с ней подружиться, как только вернулась к Мидасу.

На языке так и вертится признание, что я более не собираюсь подчиняться Мидасу, что я хочу найти способ сбежать, но сдерживаю порыв. Не уверена, что это признание исправит ситуацию – возможно, просто поставит под угрозу мой план.

Ведь дело в том, что мы с Лу не подруги. Она верна не мне, а Рипу.

Я переминаюсь с ноги на ногу, более ни секунды не в силах стоять под ее испытующим взглядом.

– Я должна идти. Тем более раз уж тебе не дозволено входить в стены замка. Не хочу, чтобы ты угодила в беду, если тебя заметят в моем обществе.

Лу фыркает.

– Рэнхолд ужасно защищают. Если захочу, могу прорваться сквозь стены с закрытыми глазами и украсть корону царя Мидаса прямо с его головы.

Я таращу глаза.

– Пожалуйста, не делай так.

– Не забивай этим свою золоченую голову. У меня есть дела, но не такие. Во всяком случае, пока мне не станет скучно.

– Лу.

Закатив глаза, она начинает уходить.

– Не волнуйся за меня. Иди займись тем, ради чего улизнула из замка.

Мои плечи сковывает напряжение.

– Я не говорила, что улизнула, – кричу я ей вслед.

Повернувшись, она продолжает идти, пятясь назад и постукивая по кончику носа, а потом показывает на меня.

– Тихушница всегда заметит другую тихушницу, Золотце.

Не успеваю я придумать ответ, как она исчезает за углом замка и оставляет меня одну.

Вздохнув, я смотрю на балкон и качаю головой. Повезло, что я не сломала себе чертову шею. Хорошо, что упала на грудь мягкого снега. Увы, спина ноет, а лицо болит из-за моего грациозного приземления. А все потому, что Мидас – контролирующий, вероломный мерзавец. А теперь еще и Лу меня ненавидит.

Пока мое утро не слишком задалось.

Но, как и Лу, я поворачиваюсь и начинаю уходить, потому что, по правде, мне нужно тайком пробраться в замок и начать его обыскивать.

Глава 10

Аурен

Как оказалось, пробираться тайком сложно.

Однако Лу права насчет охраны, потому как если уж мне удалось проскользнуть, тогда их дозорная группа не из лучших. Я не очень-то сливаюсь с окружающим пейзажем. Не то чтобы мне не приходилось прикладывать усилия, чтобы остаться незамеченной – приходилось. Но немного волнует тот факт, что удалось передвигаться по замку и остаться непойманной. Я не слишком искушена опытом оставаться невидимкой.

Я не спеша осматриваю территорию замка, мысленно отмечая все увиденное. Впрочем, немного погодя начинаю бесцельно блуждать, просто получая удовольствия от пребывания на воздухе наедине с собой. Здесь тихо, как никогда не было в Хайбелле с его суровыми метелями и завывающими ветрами.

На мое счастье, территория замка Рэнхолд огромна, так что мне есть где побродить. Я вижу псарни, ледяные скульптуры, внутренний двор и оранжереи. Мне удастся мысленно нарисовать карту, тщательно подмечая каждую дверь, которая ведет в замок. Мне становится легче, когда я получаю план всех выходов, а то мало ли что.

Я иду между оранжереями, смотря себе под ноги, и мыслями возвращаюсь к Лу. Сапоги хрустят по заснеженной дорожке, оконные стекла покрыты изморозью, как кристаллическими паутинами, захватывающими в западню мои мысли. Хотела бы я знать, что она тут делает и для чего прокралась в Рэнхолд. А еще мне интересно, замышляют ли она, Джадд и Озрик что-нибудь... злодейское.

Дело в том, что в действительности я мало о них знаю. Ведь Рип называет их своим Гневом. Это прозвище не совсем подходит белым и пушистым.

И все же, пока я была с ними, они хорошо ко мне относились. Помимо первой стычки с Озриком, никто из них меня не обижал. Как раз наоборот, они превзошли все мои предвзятые ожидания.

Но у них множество тайн. Для начала они знают, что Рип – фейри, а теперь знают, что и я тоже. Я даже не могу предугадать последствия этого, что будет. Они воспользуются этими знаниями против меня? А еще знают ли они, что Рип ведет двойную жизнь?

От таких мыслей у меня кружится голова, а тело сводит от беспокойства. Незнание вынуждает чувствовать себя уязвимой, незащищенной против любого, кто вздумает мною воспользоваться.

Возможно, поэтому я отреагировала так остро, когда Рип себя раскрыл. Впервые в жизни я думала, что нашла того, кто знал меня настоящую и не испытал отвращение. Того, кто мной не манипулирует.

Я замечаю свое отражение в окне оранжереи и даже в узорчатом стекле вижу боль, отражающуюся в моих золотых глазах. Боль, которую я пытаюсь отрицать.

Конечно, моя гордость была задета, но сердце пострадало сильнее. Потому что Рип для меня был не просто командиром. Или мне так показалось.

Для меня Рип был почти больше, чем просто командир.

Фантазией, надеждой, опорой в темноте. Только когда мой кулак сомкнулся вокруг пустоты, я поняла, что хваталась за Рипа.

От сожаления щиплет в глазах. Рип побудил меня светить, пылать только для того, чтобы окунуть в пепельный обман.

Я приняла это близко к сердцу и, наверное, зря, но урезонить свои чувства невозможно. Они появляются, когда пожелают, вынуждают вас терпеть. И остается только стискивать зубы и мучиться, надеясь, что время их притупит.

Молю, угасните.

Я задаюсь вопросом, расскажет ли Лу Рипу, что сегодня встретила меня. Задаюсь вопросом, хочу ли я, чтобы она рассказала.

От одного его имени живот простреливает острой болью. Как бы я ни старалась о нем не думать – будь он в облике феири с шипами или в облике короля, – это почти неосуществимо. Потому что мыслями я то и дело возвращаюсь к нему.

Я отдираю кусочек торчащего льда со стеклянной стены, как лепесток с цветка. Как желание, которое можно добыть из стеклянного осколка.

Когда я опускаю взгляд на одетую в руку перчатку, то слышу вдалеке голоса. Бросив лед на землю, выглядываю из-за угла оранжереи. В нескольких метрах от меня располагается стойло. К каменному сооружению пристроен большой круглый загон, а внутри него лошадь с густой шерстью, и погонщик гоняет животное кругами.

Я тут же понимаю, откуда раздаются голоса, когда вижу удаляющихся от стойл двух стражников, которые направляются в мою сторону. Не успев отвернуться, чтобы меня не заметили, я останавливаю взгляд на мужчине, который стоит рядом с загонем, облокотившись о забор.

Он стоит ко мне спиной, но я ни с кем его не спутаю.

Ревингер одет в темно-коричневые одежды, а его густые черные волосы взъерошены ветром. С такого расстояния и даже притом, что мне не видно выражение его лица, он кажется расслабленным, спокойным, как снег под его ногами. Но это он. Он никогда не выглядит встревоженным – даже здесь, в другом королевстве, окруженный вероятными врагами. Даже когда Ревингер в одиночку противостоит тысяче, он – истинная угроза.

Я осматриваю его фигуру, задерживая взгляд на определенной части тела. Он пугающий, устрашающий король. Но знаете, в чем светлая сторона? Как же хорошо сидят на нем брюки.

Проклятие!

Я все так же пялюсь на его зад, когда замечаю, что он застыл. Его плечи становятся напряженнее, а потом он поворачивается и останавливается взглядом ровно на мне.

Я отпрыгиваю и снова прячусь за оранжерею, на секунду застыв как вкопанная. Может, он меня не заметил. Он же мог повернуться и посмотреть на что-то другое, правильно?

Правильно.

Я понимаю, что лучше этого не делать, но вопреки здравому смыслу снова осторожно выглядываю, потому что, видимо, просто не в силах удержаться.

Сердце подскакивает к горлу. Ревингер теперь прислоняется спиной к забору, скрестив перед собой руки, и нет никаких сомнений, что его внимание приковано ко мне.

Когда он снова замечает, что я смотрю на него, его губы растягиваются в ухмылке.

Вот зараза!

Я должна отвернуться, но не могу. Наши взгляды прикованы друг к другу, как веревка, которая тянется с обеих сторон. Я даже моргнуть не могу, пока связь не разрывает чье-то движение слева от него.

Я наконец замечаю человека, который все это время стоял рядом с ним. Облаченный с головы до ног в черные доспехи и шлем, опасные шипы выступают из-под металлических нарукавников на предплечьях, дополненные шипами вдоль спины...

Рип?

В голове возникает рой мыслей, а потом они тут же улечиваются.

Хмурясь, я мечу взгляд между Ревингером и Рипом.

Сбитая с толку и изумленная, я начинаю идти вперед, словно собираюсь напрямик пойти к ним и разгадать эту тайну, но Ревингер резко качает головой. Я невольно останавливаюсь и вовремя, потому что двое стражников, о которых я совершенно забыла, теперь всего в нескольких метрах от угла замка и вот-вот пройдут мимо меня.

Я ругаю себя за то, что потеряла бдительность, и у меня остается буквально пара секунд, чтобы выяснить, куда спрятаться, потому что прозрачное стеклянное сооружение тут не поможет.

Я не успею убежать за оранжерею, так как она ужасно длинная, но замечаю ветхую лестницу напротив замка. Наверху нее дверь, к которой я давно присматривалась. Ближе укрыться негде, и я изо всех сил надеюсь, что дверь откроется или у меня получится хотя бы вскарабкаться по лестнице, а стражникам не придет в голову посмотреть наверх.

Приняв поспешное решение, я поднимаю юбки и мчусь туда, пока стражники не подошли к оранжерее. Пропыгнув по дорожке, я резко останавливаюсь у подножия лестницы и потом принимаюсь перепрыгивать через ступеньки.

Спешно взбираясь по осыпающемуся камню и оказавшись на верхней площадке, я поскользываюсь на льду. Я чудом не падаю на открытой лестнице – что за дурацкая затея вечно забывать про чертовы перила? – но в последний момент мне удается схватиться за дверную ручку и удержаться.

Не дав себе времени обрести равновесие, я рывком распахиваю дверь, с восторгом отметив, что ручка и впрямь поворачивается. Быстро и как можно тише вбегаю и закрываю за собой дверь, сердце гулко бьется в груди.

Фух, чуть не попалась.

Тяжело дыша, я прислушиваюсь, чтобы убедиться, что нет ни криков, ни поспешного бега по лестнице, но ничего не слышу.

Подождав несколько секунд, я выдыхаю с облегчением и поворачиваюсь, чтобы осмотреться. Я очутилась в некоем помещении, напоминающем пустой вестибюль, и из узкого окна над дверью сюда проникает жалкий свет. В отличие от остальной части замка помещение простое и унылое, безо всяких элементов украшения. Судя по всему, им не пользуются, и оно кажется связующим для нескольких проходов. А еще здесь жутко холодно.

Дрожа в пальто, я снова бросаю взгляд на дверь, через которую так поспешно влетела. Несмотря на то, что нас разделяют каменные стены, я все же чувствую Ревингера. Как же он все-таки узнал, что я была там?

Куда интереснее, кто с ним был? Это были доспехи Рипа, шлем Рипа, сапоги, поза, рост, даже его клятые шипы, но, само собой, это был не он. Этот фальшивый Рип слишком крупный, чтобы быть Джаддом, слишком низкий, чтобы быть Озриком. Так кто, черт возьми, это такой?

Еще одна уловка, еще один обман. Я крепко поджимаю губы и заставляю себя о нем забыть.

Светлая сторона? Я вернулась в замок незамеченной стражниками. Почему бы не воспользоваться этим и не изучить его изнутри?

Я иду по тусклому вестибюлю мимо каменных скамей, приставленных к стенам. Не понимаю, для чего кому-то вообще здесь сидеть. Пытаюсь открыть несколько дверей, но каждая из них заперта. Неудивительно.

Когда я подхожу в последней двери – тоже запертой, то распутываю одну ленту и просовываю ее в щель между полом и дверью. Это несколько напоминает попытку затянуть тесемки на спине, поэтому я закрываю глаза и настраиваюсь, направив ленту к замку с другой стороны. Лента оборачивается вокруг старого железного засова, и с ржавым скрипом дверь отворяется.

Как только лента проскальзывает обратно и снова оборачивается вокруг меня, я открываю дверь с очередным протестующим скрипом. Прокрадываюсь в темное помещение, и в нос

тут же ударяет знакомый запах. С круглыми глазами я оглядываюсь по сторонам и понимаю, куда попала.

В королевскую библиотеку.

Я расплываюсь в улыбке от запаха книг, старого пергамента и чернил в кожаном переплете.

Нужно время, чтобы глаза привыкли к тусклому свету, потому что, похоже, здесь и вовсе нет окон. Единственным источником света служат мерцающие канделябры на стенах, но их слишком мало, чтобы прогнать полумрак. Особенно с угрожающе нависающими надо мной полками, которые простираются, покуда видно взору. Некоторые закрыты цепями, чтобы не было возможности взять книги. Здесь уютно, как в усыпальнице.

И хотя в библиотеке совсем не колоритно, в голову мне приходит одна мысль, и я оглядываюсь, осматривая все в ином свете. Это помещение тихое, темное и тайное. Идеальное место, чтобы что-нибудь спрятать.

Задавшись новой целью, я иду вдоль рядов и стараюсь вести себя как можно тише. Придерживаю юбки, чтобы они не слишком громко шуршали по полу, и радуюсь, что подошвы туфель довольно мягкие, чтобы мои шаги не отдавались эхом. Здесь так тихо, что даже мое дыхание кажется громким.

Пытаясь идти как можно тише, я прищуриваюсь, стараясь разглядеть названия на корешках книг. Я замечаю необходимую историю Пятого королевства, землеописание Ореи, повести о прежних войнах, генеалогические древа королей... скучно, скучно, скучно. Чем больше названий я читаю, тем меньше у меня шансов найти здесь какие-нибудь любовные поэмы.

Однако моя прогулка не совсем бесполезна. Мой взгляд перемещается на полку выше, наполовину поглощенную мраком. Она короче остальных и, покрытая пылью, выглядит так, словно к ней не прикасались и даже не смотрели на нее много лет.

Идеально.

Я оглядываюсь, но вблизи только один-единственный канделябр в паре метров. Повернувшись, я быстро стягиваю перчатку и лезу в карман платья. Поочередно вытаскиваю три предмета: яблоко с кухни, украденную у стражника трубку и тряпку у служанки. Три безобидных, случайных предмета, которые я нашла в разных местах и у разных людей. Предметы, отсутствие которых Мидас даже не заметит.

Как только их касается моя обнаженная кожа, с ладони струится жидкий металл. За считанные секунды каждый предмет заключается в оболочку и становится тяжелее, превратившись в чистое золото. В поисках недоступного места я нахожу два приставленных друг к другу фолианта, которые образуют идеальный укромный уголок. Встав на цыпочки, одетой в перчатку рукой я засовываю тряпку и трубку между книгами, чтобы их не было видно.

Опустившись, я прячу золотое яблоко в кармане, и его вес давит мне на бедро. Снова надеваю перчатку и поворачиваюсь, но взглядом ловлю какой-то блеск на нижней полке. Встаю на колени, смахиваю горстку пыли, а когда вижу одно-единственное слово, у меня перехватывает дыхание.

Фейри.

Черное и скошенное, впечатанное в кожу под золотой филигранью, слово почти шепчет мне, и по спине у меня бегут мурашки.

Спереди к полке крепится цепь, но она сползла и болтается. Я оглядываюсь по сторонам, будто тени наблюдают за мной, но в библиотеке тихо, слышно только гулкое биение моего сердца. Стараясь не задеть цепи и не оставить на пыли следов, я вытаскиваю небольшую книгу. И стоит мне взять ее в руки, как пальцы начинает покалывать.

Обложка, едва длиннее моей ладони, сделана из бузины, с тонким покрытием из красной кожи, обшивающей переплет сверху, а скрепляет ее толстая нить, протянутая через ветхие страницы.

Мгновение я просто смотрю на книгу удивленно. Я никогда за всю свою жизнь в Орее не видела ни одной книги про фейри. Насколько мне известно, каждое произведение про фейри или от фейри было уничтожено после войны. Фейри упоминаются только в исторических книгах, но описываются великими предателями и кровожадными убийцами.

Эта книга запрещена. Ее надлежало сжечь много столетий назад, и все же она здесь, засунута между ветхими историческими книгами и свитками на пыльной, оцепленной полке.

Посмотрев влево-вправо и убедившись, что никто не видит, я засовываю книгу под пальто и прячу ее во внутреннем кармашке на груди. Снова встаю, и сердце стучит, как громкие шаги.

Погодите. Нет. Это и есть шаги.

Проклятие.

Я бросаюсь направо и резко сворачиваю в сторону, прижавшись спиной к полке. Спустя секунду в соседнем проходе кто-то медленно шаркает.

Нужно уходить.

Подхватив юбки обеими руками, я полностью задираю подол, а ленты извиваются под пальто. Я так взволнована, что даже не дышу, но пробираюсь мимо полок на цыпочках и съеживаюсь всякий раз, когда туфли слишком громко скрипят по каменному полу.

Я не могу вернуться туда, откуда пришла, ведь этот человек слишком близко. Потому стараюсь оторваться от него, проходя через сокровенную комнату.

Увидев впереди больше света, я устремляюсь туда в надежде, что выйду к другому выходу. Я срезаю путь между полками и, оказавшись на другой стороне, вижу столы с книгами и свитками и горящие фонари. Но взгляд на них не задерживается и скользит на дверь впереди.

Хвала Богам.

Я бросаюсь туда, вот только в спешке не замечаю сторбившуюся фигуру, сидящую за одним из этих столов с пером в руке. Он резко вскидывает голову, когда я прохожу мимо него, и от неожиданности я подскакиваю.

– Вот черт, – испуганно бранюсь я. – Простите.

Облаченный в мантию старик в мгновение ока вскакивает на ноги, и его стул скрипит по полу.

– Кто вас сюда впустил? Вам запрещено здесь находиться! – возмущается он.

– Простите, – повторяю я и, подняв перед собой руки, пячусь назад. – Я, э-э-э... хотела запросить разрешение на посещение библиотеки, – неубедительно оправдываюсь я.

Мужчина, прищутив глубоко посаженные глаза, оглядывает меня с очевидным презрением.

– Я знаю, кто вы.

– Верно, – говорю я, меня не очень манит слушать, как восьмидесятилетний мужчина называет меня позолоченной шлюхой. – Так... как насчет разрешения?

– Нет.

Я удивленно на него смотрю. Ну, не этого я ожидала.

– Нет? – спрашиваю я.

– Запрашивать доступ дозволено только титулованным лицам, – сообщает он голосом таким же жестким, как и его волосы цвета соломы. – Остальным в королевскую библиотеку нельзя. Раз уж вы не являетесь титулованной особой или членом королевской семьи, то вход вам запрещен.

– Но...

– Здесь хранятся свитки, датируемые смутным временем. Книги, написанные первыми правителями. Я лично переписывал рассказ о святом Бозефе во время Маковой чумы, – продолжает он, важно выпятив грудь. – Возможно, мои слова вас поразят, но, несмотря на ваше прозвище, эта библиотека более драгоценная, чем вы, – язвительно говорит старик. – Потому

прошу избавить меня от вашего присутствия и не вздумать снова сюда заходить, потому что вам тут не рады. Возвращайтесь в гарем, где вам самое место.

Остолбенев, я смотрю на него. Никогда не представляла, что писарь может заставить меня почувствовать себя такой же ничтожной и недостойной, как горстка пыли.

Он опускает взгляд на мое пальто, и кровь мигом отливает от моего лица. Украденная книга в кармане теперь кажется тяжелее и прижимается к моему сердцу.

Хорошо ли просматриваются ее очертания? Я не осмеливаюсь опустить взгляд, но когда мужчина поднимает руку и показывает на меня испачканным чернилами пальцем, сердце ухает прямо в пятки. Мне даже стоять в библиотеке запрещено. Что со мной станет за попытку украсть запретную книгу?

– Мне позвать стражу, чтобы она вас вывела?

Спустя какое-то время я понимаю, что он не кричит «воровка» и не требует, чтобы я вывернула карманы.

– Я... что?

Он смещает палец и показывает на дверь за моей спиной.

– Вы оглохли? Я сказал: мне позвать стражу, или вы уберетесь самостоятельно?

– Нет, нет, я уйду, – запальчиво отвечаю я.

Я разворачиваюсь, чтобы убраться отсюда как можно быстрее, и резко распахиваю тяжелую дверь. Как только зазор между ней и рамой становится достаточно большим, выскакиваю из библиотеки. Дверь со стуком захлопывается, и я прислоняюсь к ней спиной, прижав руку к груди, чтобы успокоить свое несущееся вскачь сердце.

В жизни я повстречала немало неприятных людей, и этот писарь – тот еще мерзавец.

Я вздыхаю, качая головой. Кончиками пальцев чувствую жесткие углы книги, словно в кожу мне ввелся символ тайны. Понятия не имею, что это за книга, но она, кажется, секретная. Словно ее страницы – шепот, а я наклоняюсь, чтобы послушать ее тайны.

Как только дыхание выравнивается, я опускаю руку и отталкиваюсь от двери. Теперь, когда я больше не волнуюсь, что меня поймут, во мне поднимается раздражение из-за выказанного писарем презрения. Он смотрел на меня так, словно я недостойна даже дышать затхлым библиотечным воздухом, что уж там говорить о чтении.

Не вздумайте снова сюда заходить, потому что вам тут не рады.

Он ведет себя так, словно одно мое присутствие очернило всю библиотеку, словно я могла бы загнуть уголки страниц или сломать корешок.

Да, я действительно только что украла книгу, но это не учитывается. И да, в прошлом по неосторожности я случайно превращала страницы в чистое золото. Тоже незначительно.

Однако писарь сделал одно дельное замечание, даже если хотел тем самым меня оскорбить.

Возвращайтесь в гарем, где вам самое место.

Забавно, ведь именно туда я хотела пойти после.

Глава 11

Аурен

Найти крыло наложниц непросто. Не только потому, что я не знаю, где оно находится, но еще и потому что вынуждена красться тайком. Если где-то поблизости оказывается служанка или стражник, часто приходится прятаться в комнатах или поворачивать обратно, а все это отнимает много времени.

И все же эти поиски означают, что я могу составить схему этажей, понять, где что находится, а это пригодится для моего плана побега. Плана, который с каждым шагом укрепляется в моем сознании.

Спустя пару часов удача мне улыбается, и, заглянув за угол, я вижу пару стражников, сидящих у двери.

– Этот пост в сто крат лучше северной стены. В кои-то веки не надо морозить задницы, – говорит один мужчина.

Другой стражник сидит, откинувшись на спинку стула и прижавшись ухом к двери.

– Вот черт, по-моему, я слышу, как одна из них стонет.

– Серьезно? – Первый оживляется, и я закатываю глаза, когда он тоже прижимает ухо к двери. – Думаешь, они просто... целый день трахаются друг с другом?

Ему поддакивает мужской стон:

– Черт, очень на то надеюсь.

– У Мидаса лучше шлюхи, чем были у Фулька. Ты видел сиськи той рыжей?

Полагаю, я нашла наложниц.

Мгновение я мешкаю, пытаюсь составить план, но знаю, что не могу целый день прятаться за этим углом. Рано или поздно кто-нибудь пройдет мимо.

Я не узнаю этих стражников. Очевидно, на этом посту они недавно, а это может сыграть мне на руку. Поэтому, придумав почти дерзкий план, я делаю глубокий вдох и выхожу из-за угла. Уверенно иду по голубому, как лед, коридору, мимо декоративных колонн, тянущихся вдоль стены.

Стражники в золотых доспехах до сих пор пытаются шпионить за наложницами и не замечают меня, пока я не оказываюсь в паре метров. Увидев мое приближение, они тут же взволнованно вскакивают. Один из них старше, с седеющими висками, а другой кажется моложе меня, на его подбородке растут жалкими клочками светлые волосы.

– Вы кто? – спрашивает Клочковатая борода.

Старший выразительно на него смотрит.

– Кто она? Да ты взгляни на нее. Она же из золота, идиот. Как думаешь, кто это?

– Ой, точно. – На щеках молодого появляются два одинаковых красных пятна.

Я лучезарно улыбаюсь.

– Здравствуйте, не хотела вас напугать. Мне бы только зайти в гарем.

Седовласый недоуменно хмурится.

– Эм, госпожа, это запрещено.

Я напускаю на себя надменный вид.

– Разумеется, разрешено. – Лучший способ убедить людей, что тебе что-то разрешено, – это прикидываться оскорбленным, когда они предполагают обратное. – Вы же знаете, кто я.

На самом деле это не вопрос, но они все равно кивают.

– Значит, вам известно, что я позолоченная фаворитка царя Мидаса. Его любимая наложница, – медленно произношу я, нарочито изогнув бровь, чтобы стражники почувствовали себя идиотами за то, что сами этого не поняли. – А это крыло для наложниц, верно?

Они медлят.

– Ну, да... – отвечает Ключковатая борода с тем же румянцем на щеках.

– Именно. Так что не могли бы вы подвинуться, чтобы я вошла? Не хотелось бы рассказывать царю, что вы помешали его любимой наложнице войти в выделенное для нее же крыло. Уверена, он этому не обрадуется.

Юный стражник белеет как полотно и резко поворачивает голову к Седовласому.

– Ты оскорбляешь фаворитку царя Мидаса, – цедит он сквозь зубы.

– Нет, – спорит тот. – Я думал, она...

Ключковатая борода перебивает его, смотря на меня.

– Проходите, госпожа, – говорит он и, протянув руку, торжественно открывает дверь.

Проходя мимо него, я мило улыбаюсь.

– Благодарю.

Когда дверь со щелчком за мной захлопывается, я слышу, как те двое тут же начинают препираться, и хмыкаю. Я не думала, что у меня получится, но, несомненно, извлеку из этого выгоду.

Я оглядываю небольшую пустую переднюю и слышу, как из-за двери справа доносится шум. Подойдя к ней и встав на пороге, заглядываю и вижу большую комнату. Вдоль задней стены возвышаются две белые колонны, обрамляющие окна. Помещение окутано мрачным светом, проникающим через покрытые инеем окна, а льдисто-голубая краска и такого же цвета ковры создают ощущение холода, несмотря на горящий посередине огонь.

С потолка свисают сплетенные из соломы овальные кресла, такие глубокие, что здесь сразу поместится несколько наложниц. Некоторые так и делают, нежась на бархатных подушках, словно странные раскачивающиеся кресла – их общие коконы.

Я перевожу взгляд на груды пышных подушек, сваленных на полу в углу: все они белого, голубого и пурпурного цвета. Напротив, у другой стены, столик на тонких ножках, занятый подносами с едой и кувшинами, и несколько кушеток, беспорядочно расположенных посреди комнаты. В целом все выглядит роскошно, хоть и немного неряшливо.

Я узнаю большинство наложниц, с которыми вела сюда путь, но вижу и новые лица, вот только никто из них меня пока не заметил. Те, что сидят в покачивающихся овальных креслах, дремлют, вальяжно вытянув ноги. Подолы их шелковых платьев ниспадают до накрытого коврами пола.

Им всем так... уютно вместе, что мне приходится усмирить укол ревности. Каково было бы, если бы я входила в их круг, когда мы жили в Хайбелле? Если бы мне разрешалось навещать наложниц, если бы они не гневались и не презирали меня, моя жизнь казалась бы не такой одинокой. Я знаю, что они ругаются и спорят, – лично становилась тому свидетелем, когда мы были с войском Четвертого королевства, – но они установили и дружеские отношения. Даже если среди них есть те, кто таит ненависть, они хотя бы поддерживают друг друга. А у меня никого не было. И нет по сей день.

Раздавшееся справа хихиканье прерывает мой праздник жалости к себе, и я опускаю взгляд на один из шезлонгов, увидев человека, с которым точно не хочу дружить.

Похоже, Полли меня тоже замечает, потому что ее кристально-голубые глаза вспыхивают, а смех стихает. Рядом с ней замирает и наложник Рош. Еще три наложницы, сидящие в других шезлонгах, поворачиваются ко мне, когда я иду вперед.

– Симпатичное платье, – заметив мой погнутый и неудобный корсаж, ехидничает Полли со злобной улыбкой.

Я вспыхиваю под ее испепеляющим взглядом, но не обращаю внимания.

– Моим ребрам неудобно в одежде Пятого королевства.

Она насмешливо фыркает, развалившись на пурпурных подушках, светлые волосы в беспорядке.

– Красота – это боль. Но, полагаю, тебе это неизвестно.

Остальные наложницы гогочут. Щеки начинают гореть еще сильнее.

– Боль не должна быть необходимым элементом красоты.

– Говоришь как истинная изнеженная шлюха, – кидает она в ответ, однако взгляд у нее остекленевший, рассеянный. – Что ты вообще тут забыла? Тебе не рады в нашем гареме.

Я настороженно посматриваю на других трех женщин, которые наблюдают за мной со скучающим интересом.

– Хотела увидеть, как вы тут обжились.

Полли закатывает глаза.

– Лгунья.

– Ладно, – пожав плечами, уступаю я. С ней разговаривать я не хочу так же, как и она со мной. – Я пришла увидеться с Риссой. Знаешь, где она? – оглядываясь, спрашиваю я.

Она щурится, смотря на меня прозорливыми, хоть и немного покрасневшими глазами.

– Чего это ты зачастила с ней разговаривать? Вы же не подруги.

Это удар под дых, словно она услышал, о чем я размышляла перед приходом сюда, и хочет вонзить нож поглубже.

– С чего ты взяла, что мы не подруги? – вызывающе спрашиваю я.

– Потому что Рисса – *моя* подруга, – отвечает Полли и на ее щеках появляется гневный румянец, что меня удивляет.

Другая наложница смеется – Исида, статная и с черными волосами.

– Ты ревнуешь к золотой шлюхе?

Я сержусь из-за ее слов, но и Полли тоже злится.

– Рот закрой! – рявкает она.

Исида только громче смеется, да так заливисто, что падает на рядом сидящую с ней наложницу, и та женщина тоже разражается смехом. Неудержимо хохоча, они шлепаются на пол, а потом...

Ого, теперь они целуются.

Миниатюрная, похожая на эльфа наложница по имени Джиа закатывает глаза и встает. Она подходит к лежащим на полу девушкам, плюхается на колени Роша и принимается его целовать.

Как-то слишком внезапно вокруг стало много целующихся парочек.

Полли бросает один-единственный взгляд на Джию и отпихивает ее лицо.

– Иди трахайся с кем-нибудь другим.

Девушка надувает губы, но начинает покрывать поцелуями шею Роша, вместо того чтобы смачно впитаться в его рот.

– Ой, да брось, Полли. Давайте все вместе. Мне сейчас так хорошо.

Вытаращив глаза, я смотрю, как она наглаживает пах Роша, и мужчина со стоном запрокидывает голову назад.

Полли сильно поджимает губы, отчего ее обычно розовые пухлые губы становятся тонкими и белыми. С плотно поджатого рта вырывается раздраженный вздох.

– Я знала, что вы не осилите столько росы.

Я хмурюсь.

– Росы?¹

Судя по виду Полли, я произвожу на нее то же впечатление, что и всегда.

¹ Описанное в тексте вещество является плодом вымысла автора. (Прим. ред.)

– Да, роса, – демонстративно закатив глаза, говорит она. – Ты же не настолько глупа? – Когда я продолжаю просто недоуменно смотреть на нее, она вздыхает. – Ты же знаешь, разноцветные лепестки, нарумяненная девушка, капелька росы, вишневая роса...

Изида, продолжающая сидеть верхом на другой наложнице на полу, громко фыркает.

– Вишневая роса, потому что даже самые жеманные девы, лизнув всего разок, захотят сорвать вишенку. – Она снова смеется, пока девушка под ней не начинает извиваться, и тогда ее веселье превращается в стон.

– Роса... это дурман? – не веря своим ушам, спрашиваю я. Теперь я вижу их остекленевшие глаза и покрасневшие лица в ином свете, от их похотливого, томного поведения мне становится не по себе. – У вас не будет неприятностей?

– От кого? – приподняв бровь, спрашивает Полли.

– От царя.

– Ну, это было бы странно, учитывая, что именно он нам его и дал.

В голове начинает шуметь.

– Что? Дурман вам дал Мидас?

– Первым его нам дал лекарь, чтобы помочь справиться с тем, что мы пережили у Красных бандитов и армии. Но Мидас дал мне мою личную коробку, потому что я его ублажила, – гордо заявляет Полли и мстительно улыбается мне, хотя до сих пор лежит, развалившись на подушках. – О, я весьма его ублажила.

Я глотаю ком в горле.

– Давно?

Ей явно доставляет это удовольствие, потому что глаза Полли сияют, а губы изогнуты в ехидной улыбке.

– Как раз прошлой ночью.

Ее слова должны были бы пронзить мое сердце кинжалом, но мне не больно – не так. А если и так, то это отголосок прошлых болезненных реакций на постельные подвиги Мидаса. Мне всегда приходилось подавлять свою ревность. Он заставил меня думать, что это я веду себя неразумно, неправильно. Но, услышав, что он покинул мою постель, чтобы навестить Полли, сейчас я не чувствую к ней ревности. Наоборот, я испытываю лишь отвращение, но к Мидасу.

Очевидно, я очень искусно лгала самой себе, потому что иначе не смогла бы убедить себя, что он меня любит.

Мы говорим себе искаженную ложь, чтобы опутать жуткую правду, а в итоге оказываемся в затруднительном положении и смотрим в лицо убогим сожалениям.

Сколько раз Мидас был подле меня, а потом уходил и навещал одну из них. Или заставлял меня наблюдать за тем, как они его ублажают, как он получает извращенное удовольствие от своего необъятного контроля надо мной. Я уже давно должна была надавать по яйцам этому гаду, объезжающему наложниц.

А теперь он дает наложницам непонятную росу, чтобы повлиять на их поведение. От всего этого у меня во рту появляется неприятный привкус.

– Может, вам не стоит принимать это... – с опаской говорю я.

Полли сурово смотрит на меня.

– Да пошла ты со своим самомнением. Тебя так и тянет думать, что ты лучше нас, да? – бросает она вызов.

– Дело не...

– Наложницы короля Фулька принимали росу каждый день на протяжении многих лет. Они любят ее. С ней все становится более... приятным, – говорит она и, наклонившись, ведет пальцем по обнаженному плечу Роша, пока мужчина трет носом о шею Джии.

У меня вытягивается лицо.

– Наложницы Фулька?

Рош поднимает голову и отвечает:

– Ага. – Он проводит по мне мутным от похоти взглядом, его глаза выглядят выразительнее с обведенной вокруг них подводкой. – Они там, – говорит он и показывает мне за спину.

Я поворачиваюсь и вижу женщин в небольшой нише, которую прежде не заметила. Они прислоняются к стене, сидя на подушках, и запускают руки между бедер. Рассредоточенным взглядом смотря на стены, они совершенно не понимают, где находятся, хотя пальцы их двигаются, а с губ срываются стоны.

Тревожное чувство, словно колкие крупички песка, стремящиеся прорваться сквозь сито, пронзает мою грудь, усиливая беспокойство.

– Что с ними такое?

– Фульк был торговцем плотью, – пожав плечом, говорит Рош несколько заплетающимся голосом, а Джаа проводит пальцами по его волосам. – Судя по тому, что мы слышали, он часто менял гарем наложниц. Они чаще держатся особняком, но свою росу любят. Царь Мидас убедился в том, что они до сих пор ее получают.

Я отвожу взгляд от их томных лиц, пустых взглядов.

– Сомневаюсь, что вам стоит ее принимать.

– Но это так приятно, – говорил с пола Исида, запустив руку под платье второй женщины. – Тебе тоже стоит попробовать.

– Как будто я поделюсь своим подарком *с ней*, – огрызается Полли.

Я не обращаю внимания на ее слова.

– Вы же не хотите кончить... как они, – шепчу я и снова украдкой смотрю на наложниц Фулька. Но даже если я прокричу эти слова, вряд ли наложницы вообще обратят внимание.

– Так они счастливее, – отрешенно говорит Рош, уставившись на грудь Джаа.

– М-м-м, я тоже хочу стать счастливее, – стонет Джаа. – Ну же, Полли, дай нам еще немного.

– Я у тебя уже радужки не вижу, и ты трешься о Роша. С тебя хватит, – раздраженно возражает Полли.

Затем она просовывает руку под подушку за спиной и вытаскивает небольшую стеклянную коробочку. Как только она приподнимает крышку, все четверо наложников оживляются и сворачивают головы в ее сторону, как собаки, почуявшие косточку.

Исида пытается наклониться и залезть в коробку, но Полли вырывает ее и шлепает по руке.

– Нет, и с тебя тоже хватит.

Исида дуется и трет руку.

– Ты нами не распоряжаешься.

– Царь Мидас дал дополнительную росу только мне. А значит, она моя. Если вы, сучки, не будете осторожны, я вас и вовсе ее лишу. И вам придется добывать ее у тех призраков Фулька, – говорит Полли и машет в их сторону рукой. Меня корежит от того, как она их описала. Полли права, они и впрямь напоминают призраков, ословелых привидений с пустыми глазами. – Я сказала, что с тебя хватит, и не шутила. А теперь проваливай. Ты меня бесишь.

Исида бросает на нее еще один сердитый взгляд, но всерьез принимает угрозу, потому что встает и протягивает руку лежащей под ней девушке. Пошатываясь, они идут к первому же попавшемуся раскачивающемуся кокону и залезают внутрь. Вскоре оттуда доносятся стоны.

Меня отвлекает хриплый смех.

– Злая ты, Полли, – мурлычет Рош. Джаа всюду раскачивается на его коленях, а через бархат заметно его возбуждение, пока ее узкие бедра двигаются на нем вверх-вниз.

– Тебе нравится, когда я злая, – похотливо улыбаясь, отвечает Полли.

Рош лишь снова посмеивается, а потом отворачивается и облизывает грудь Джии. Она выгибается ему навстречу, издав неправдоподобно развратный звук, который из ее уст кажется слишком громким.

– Кто-нибудь скажет уже, где найти Риссу? – теряя терпение, спрашиваю я. Мне больше не хочется тут находиться. От неловкости по коже ползут мурашки, насколько все здесь кажется неприемлемым.

– Не-а, – отвечает Полли и снова открывает коробку. Внутри стопка толстых белых лепестков с каплями цвета крови.

– Полли...

Она не замечает меня и подносит лепесток к губам, положив его на язык. С порочным удовольствием закрывает рот и закатывает глаза, когда ее поглощает эйфория.

Она медленно пережевывает, словно смакует каждый кусочек на языке. Рош хватает Полли за голову, прежде чем она успевает проглотить лепесток, и с жадностью запихивает ей в рот язык, словно пытаясь слизать каждую каплю эссенции, которую она только что приняла.

Я продолжаю смотреть на них, когда за спиной раздается голос:

– Тебе стоит оставить их одних. Теперь они будут такими не один час.

Я резко разворачиваюсь и вижу как всегда прекрасную Риссу.

– А вот и ты, – с облегчением произношу я. За спиной слышится громкий стон, и я морщусь.

– Не любишь росу? – понимающе спрашивает она.

Я качаю головой.

– Здесь, в Пятом королевстве, этот товар пользуется большим спросом, однако я слышала, что он весьма дорогой. Поговаривают, у короля Фулька есть целые запасы. Похоже, его прежних наложниц больше ничего не волнует. Ну... роса и секс, поскольку он усиливает плотское желание. Наложницам ведь на руку подсесть на что-то подобное, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.